

С Е Р И Я

С О Ц И А Л Ь Н А Я

Т Е О Р И Я

ГРАММАТИКА
ПОРЯДКА

*Историческая
социология понятий,
которые меняют
нашу реальность*

АЛЕКСАНДР БИКБОВ

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2014

УДК 316.3
ББК 60.5
Б60

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей социологии НИУ ВШЭ
ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВ

Бикбов, А. Т.

Б60 Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность [Текст] / А. Т. Бикбов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 432 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1001-8 (в пер.).

Книга социолога Александра Бикбова — это результат многолетнего изучения автором российского и советского общества, а также фундаментальное введение в историческую социологию понятий. Анализ масштабных социальных изменений соединяется здесь с детальным исследованием связей между понятиями из публичного словаря разных периодов. Автор проясняет устройство российского общества последних 20 лет, социальные взаимодействия и борьбу, которые разворачиваются вокруг понятий «средний класс», «демократия», «российская наука», «русская нация». Читатель также получает возможность ознакомиться с революционным научным подходом к изучению советского периода, воссоздающим неочевидные обстоятельства социальной и политической истории понятий «научно-технический прогресс», «всесторонне развитая личность», «социалистический гуманизм», «социальная проблема». Редкое в российских исследованиях внимание уделено роли академической экспертизы в придании смысла политическому режиму.

Исследование охватывает время от эпохи общественного подъема последней трети XIX в. до митингов протеста, начавшихся в 2011 г. Раскрытие сходств и различий в российской и европейской (прежде всего французской) социальной истории придает исследованию особую иллюстративность и глубину. Книгу отличают теоретическая новизна, нетривиальные исследовательские приемы, ясность изложения и блестящая систематизация автором обширного фактического материала. Она встретит несомненный интерес у социологов и историков России и СССР, социальных лингвистов, философов, студентов и аспирантов, изучающих российское общество, а также у широкого круга образованных и критически мыслящих читателей.

УДК 316.3
ББК 60.5

В оформлении обложки использован фрагмент картины Giuseppe Pellizza da Volpedo. Quarto Stato, 1901.

ISBN 978-5-7598-1001-8

© Бикбов А.Т., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ПОНЯТИЙ	9
Понятие и его смысл	11
Работа с материалом: деления и приемы	26

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ГЕНЕАЛОГИЯ НОВОГО ПОРЯДКА

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»	43
Русский XIX век: географическая граница как смысловая	47
Политическая предыстория «среднего класса»: собственность и умеренность	56
Интернационализация «среднего класса»: от стабильности до платежеспособности	69
II. РОССИЙСКИЙ «СРЕДНИЙ КЛАСС»: ЭНЕРГИЯ РАЗРЫВА И РАССЕЙВАНИЯ	81
На периферии новой понятийной сетки (начало 1990-х годов)	83
Средние-буржуазные: политический поворот и советский стигмат (1950–1960-е годы)	100
Третья производительная сила «бесклассового общества» (1970–1980-е годы)	115
Нормализация «среднего класса» (1990–2000-е годы)	124
«Средний класс» в медийном и в уличном пространстве (2011–2012 гг.)	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: «ТРЕТИЙ ЭЛЕМЕНТ» И ВНИМАНИЕ К РАЗЛИЧИЯМ	163

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СОВЕТСКИХ ПОНЯТИЙ

III. ФУНКЦИЯ «ГУМАНИЗМА» В ОФИЦИАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ РИТОРИКЕ	173
«Социалистический гуманизм»: функциональная константа и ее контекст	175

Смысловые и силовые сдвиги: модель анализа	182
От теорий тоталитаризма — к анализу риторических схем и баланса сил	191
IV. БУРЖУАЗНАЯ «ЛИЧНОСТЬ»	
В ГОСУДАРСТВЕ «ЗРЕЛОГО СОЦИАЛИЗМА».	195
Понятие в символическом и социальном порядке	197
«Личность» как функция «потребления».	202
Официальные классификации: от «масс» — к «личности»	212
Новые социальные дисциплины: между «коллективом» и «личностью»	217
Философские импликации: автономная «личность».	224
Освобождение «личности» как политический компромисс.	231
V. РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА	
«НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА»	238
Научное управление обществом.	240
Рождение ведомства из задач усовершенствования техники.	247
«Академизация» Гостехники и циклы реформ	249
Цивилизационный сдвиг: от «науки на службе практики» — к «научно-техническому прогрессу»	256
VI. «НАУКА» БЕЗ «ПРОГРЕССА»:	
ПОСЛЕСОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОНЯТИЯ	263
От «прогресса» к «потенциалу», или в направлении международного рынка	263
1991: «разрушение» или «создание»?	272
Становление «вневедомственной экспертизы»: техническое как политическое	277
Революция технических классификаций: собственность и статистика	286
Инфляция понятий: сильная «наука», слабые «ученые».	294
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ — К ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ.	
	300

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. КРИТИЧЕСКАЯ (САМО) ОБЪЕКТИВАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

VII. РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ГЕНЕЗИС ДИСЦИПЛИНЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОСНОВАНИЙ		308
Институты, универсалии и здравый смысл: методологическое введение		308
Принципы мышления и генезис социологических институтов		313
Общность политических координат и поворотные точки		322
Правила метода и «социальная проблема»		325
Образцовые классификации и образцовые карьеры		334
Immobilis in mobile		343
VIII. НЕКОЛЛЕГИАЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА: ЭСКИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИКРОИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ		349
Хронология и география анализа		354
Социология как политический выбор Belle Époque: республиканцы versus антимонархисты		357
Основополагающий критерий: коллегиальное самоуправление versus начальственное управление дисциплиной		361
Гений места: рождение советской социологии из духа руководства		376
Двойная карьера и понятийные компромиссы		384
Дисциплинируя социологию заново: институциональные пределы обновления понятий		393
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: ПОДВОДЯ ИТОГИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕРЕГУЛЯЦИИ		408
Является ли язык первой инстанцией расизма?		410
Институционализированный расизм Академии: гипотеза дерегуляции		414
Дерегуляция обменов, концентрация власти: «естественность» расизма		418
Императив саморегуляции: изгнание расистов из Академии		426

Введение. Метод исторической социологии понятий

Настало время прояснить понятия. Означающие их слова ясны или кажутся таковыми. Проблема заключается не в семантике, а в центрах силы, отношения между которыми имеют учредительный характер для нашего языка, как и для самой реальности. Со времен просветителей известно, что институты — это материализованные понятия. Но верно и обратное. Эмиль Дюркгейм с Марселем Моссом, Эмиль Бенвенист, Райнхарт Козеллек, Джордж Лакофф и другие исследователи различными способами продемонстрировали, что понятия — это социальные институты¹. Данная интуиция столь же продуктивна в интеллектуальном отношении, сколь опасна в политическом. Господствующий сегодня исторический и политический оппортунизм, подкрепленный скоростью социальных изменений, часто склоняет нас видеть в понятиях *просто* слова: они имеют смысл, но мы используем их так, словно те избавлены от принудительной силы факта. Как следствие, из публичной речи, будь она политической или академической, непрерывно ускользает реальность, которой понятия придают форму и окончательность. Между тем язык, компрометирующий понятия, — это прежде всего язык без истории, которая, как повторял Пьер Бурдьё, и есть подлинное коллективное бессознательное.

Подобное положение дел вовсе не означает, будто наш язык предельно свободен для рефлексии о настоящем. Напротив, от-

¹ Эмиль Бенвенист выносит эту интуицию в заглавие самого известного своего исследования, словаря индоевропейских институтов, предлагая рассматривать отношения между понятиями как слепок исторических отношений между центрами силы и как проект последующего равновесия между этими центрами. В русском издании словаря «институты» переводятся как «термины». Редактор издания оправдывает это языковым здоровым смыслом начала 1990-х годов и неограниченностью предметной области анализа: Степанов Ю. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке и культуре // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр. под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 5.

казываясь иметь дело со своей исторической определенностью, он погрязает в прошлом, реальном или воображаемом, не способный совладать с силой факта. Реактуализация истории-бессознательного в зоне рефлексивной работы с настоящим может сопровождаться сегодня такими усилиями и рисками, которые делают успех предприятия маловероятным. При этом публичное использование понятий редко обходит стороной «большую» событийную историю в ее традиционном и зачастую мифологизированном изложении. Подобных аллюзий как раз достаточно, а порой и больше необходимого. Наша публичная речь крайне нереклексивна в первую очередь в отношении исхода даже недавних социальных столкновений, которые определяют победителей и проигравших на годы вперед, — тех, что создают социальный порядок в собственном смысле слова. Погруженные в пространство актуальной публичной речи, мы живем в иллюзорном мире открытого настоящего и любых возможных исходов. Тогда как в понятиях, которыми мы пользуемся как *просто* словами, нередко уже содержится эскиз нашего будущего, а отчасти — и указание мест, которые нам в нем определены.

То, что «мертвые хватают живых», — лишь одна и давняя проблема. Другая состоит в том, *как* мы этого не замечаем. Внимание к понятиям оправданно не только ради ретроспективной регистрации их роли в настоящем и освобождения от груза прошлого. Не менее важна их проективная потенция, т.е. способность понятий создавать будущее, доопределяя реальность в форме институтов. На обширном материале европейской истории Козеллек с коллегами показывает, что использование слов как понятий самым радикальным образом меняет будущее и само переживание времени. Этот кардинальный политический факт имеет следствия для реальности, как и для методологии ее исследования. В своем пределе исследование понятий совпадает с раскодированием генезиса реальности. Его ожидаемый результат — вскрытие той разметки, которая, выражаясь ученым языком XIX в., нечувствительно присутствует в реальности, встроенная в ее восприятие и оценку ее потенций, и сообщает элементам реальности смысл и ценность. Исследование позволяет отслоить от реальности понятийную сетку, ключевые элементы которой сформированы когда-то ранее, вероятно, с другими целями и, очевидно, в иных социальных условиях. Прошрое, запечатленное в узлах и ячейках этой сетки, не диктует нам вос-

приятия актуальности с неизбежностью приговора. Ее элементы прагматически переписываются и калибруются вслед за сдвигами и разрывами в силовых полях, которые мы и склонны отождествлять с «самой реальностью». Однако история обнаруживает себя не только в прямом диктате неотменимых условий: ранее установленных границ, групп родства и бесспорных очевидностей. Исторически определенные формы опосредуют любой разрыв, который создает следующую, прежде немислимую разметку реальности, т.е., в конечном счете, саму известную и понятную нам реальность. Значит, исследование понятий — это прояснение и *подготовка условий* такого разрыва.

ПОНЯТИЕ И ЕГО СМЫСЛ

Понятийные структуры, подвергнутые историко-социальному анализу, в отличие от экономических показателей и даже политической догматики, способны дать более точное понимание специфики политического и социального режима послесоветской России и СССР, как и познавательных возможностей и профессиональной организации социальных наук в СССР и после. Чтобы приблизиться к такому пониманию, необходим метод, для начала позволяющий выделить понятия, в которых порядок обнаруживает себя в наиболее ясной и действенной форме, — т.е. ключевые социальные и политические категории. Вслед за этим такой метод должен обеспечить устойчивые результаты при фиксации смысла понятий, не испытывающего критической зависимости от произвола исследователя и при том не сводящегося к разновидности энциклопедической статьи. Наконец, метод должен раскрывать произвольное отношение между двумя типами социальных структур: понятийными и теми, что не могут воспроизводиться вне языка, но к языку не сводятся, — т.е. между смысловым и силовым измерениями социальной практики.

Таким образом, социальному исследованию понятий предпосланы три кардинальных методологических вопроса: 1) Что такое понятие и какие понятия следует избрать предметом исследования? 2) Как определять смыслы понятия и фиксировать их в систематической форме? 3) Как возвращать понятие в реальность, т.е. проследивать его действие на непонятийные социальные структуры?

Два первых вопроса давно и активно обсуждаются разработчиками конкурирующих версий истории понятий и истории идей². Ответы на них представлены у исследователей, обращавшихся к социальному действию языка и производящему характеру понятий: от Райнхарта Козеллека и Квентина Скиннера, вместе с коллегами и последователями работающих с периодами большой длительности, через Ролана Барта и Джорджа Лакоффа, сосредоточившихся на актуальности социального порядка, к исследователям, которые, как и российские авторы нескольких сборников, с начала 2000-х годов дополнили историю понятий изучением периодов средней длительности³. Однако не все эти ответы достаточно эксплицитны и не все они удовлетворяют задачам исторической социологии. Кроме того, третий вопрос, хотя декларативно озвучивается в рамках той же истории понятий, не может быть в действительности решен без об-

² См., например, чрезвычайно содержательный и иллюстративный в этом отношении сборник: *The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies on Begriffsgeschichte* / ed. by H. Lehmann, M. Richter. Washington (DC): German Historical Institute, 1996.

³ К настоящему времени на русском языке имеется несколько обзоров, которые с разной степенью детальности представляют существующие подходы: *Копосов Н.Е.* История понятий вчера и сегодня // *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5.* СПб.: Алетей, 2006; *Буссе Д.* История понятий — история дискурса — лингвистическая эпистемология // *Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге* / под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта, при участии В.И. Молчанова. М.: Модест Колеров, 2007; *Плотников Н.* Язык русской философской традиции: «история понятий» как форма исторической и философской рефлексии // *Новое литературное обозрение.* 2010. № 102; *Бедкер Х.Э.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // *История понятий, история дискурса, история метафор* / под ред. Х.Э. Бедкера. М.: Новое литературное обозрение, 2010; *Миллер А., Свижков Д., Ширле И.* Предисловие // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Свижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. Исследования на российском материале представлены в сборниках: *Понятие государства в четырех языках* / под ред. О. Хархордина. СПб.: Издательство Европейского университета; Летний сад, 2002; *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5.* СПб.: Алетей, 2006; *Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге* / под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта, при участии В.И. Молчанова. М.: Модест Колеров, 2007; «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Свижкова, И. Ширле. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012; а также в отдельных статьях, опубликованных вне тематических сборников.

ращения к исследовательскому арсеналу социологии. Поэтому здесь я обозначу собственные методологические предпосылки исследования, которое представлено в данной книге. Это не будет исчерпывающим изложением метода. Не желая разбивать текст книги на теоретические и исторические главы, я буду возвращаться к отдельным предпосылкам и допущениям по мере работы с материалом, тем самым наряду с кратким наброском во введении предлагая «заземленную» теорию.

Прежде чем развернуть ряд посылок и исследовательских операций, следует сделать важное замечание. Если с самого начала очертить поле исследования, сосредоточившись на определении понятия как элементарного семантического или социального факта, это не даст никакого понимания действий, которые исследователю необходимо совершить, чтобы выделить ключевые понятия из потока публичной речи, выявить социальные коллизии при наделении их смыслом и ценностью, установить роль понятия в регламентации практик. Поэтому я сразу предложу операциональное определение понятия: не *что* есть понятие, а *как* можно изучать понятия социологически.

1. Социальную «работу» понятий следует искать в измерении, отличном от истории слов. В рамках историко-социологического исследования меня в первую очередь интересует место понятия в социальном порядке, а не историческая траектория лексем от общества к обществу, из одной языковой среды в другую или от одних авторов к другим. Само по себе описание историко-географической траектории — важная исследовательская задача, которую на российском материале решает ряд авторов сборников «Персональность...» и «Понятия о России...»⁴. Однако для

⁴ Полные библиографические данные сборников см. в предыдущей сноске. Следует отметить, что задачи проектов к этому не сводятся. Работа над словарем персональности направлялась сравнительной перспективой, которая через семантические различия позволила дифференцировать функции понятия в различных культурных контекстах. Координатор проекта Николай Плотников отмечает: «Эта задача была совершенно проигнорирована Райнхартом Козеллеком, который рассматривал поле европейских языков как семантически и социокультурно однородное, причем сосредоточивался в основном на немецком языковом материале применительно к Новому времени. Лишь у его учеников возникло осознание того, что ключевые понятия выполняют в разных контекстах разные функции и задают различные модели описания социального. Проект «Персональность» возник именно из этой проблематики, и траектория рецепции тех или иных семантических

целей исторической социологии важнее описать и объяснить, как данное понятие — вне зависимости от траектории его географического движения — «работает» в актуальных социальных практиках и межпозиционной борьбе. Знание географической траектории понятия может быть полезным в случае, если оно позволяет точнее объяснить особенности использования, т.е. придания понятию смысла *здесь и теперь*. Так, уделяя внимание осаждению смыслов в историческом поле понятия «средний класс», я обращаюсь к англо- и франкоязычным источникам (см. гл. I наст. изд.). Это делается для того, чтобы прояснить активные и тупиковые генетические линии понятия и уточнить способы его определения в России сегодня. Однако я не вполне достигаю дальней цели, объяснения социальной «работы» понятия, оставаясь преимущественно в границах политического и интеллектуального круга производителей его смыслов и лишь на материале самых недавних событий (2011–2012 гг.) проверяя, включается ли оно в практики непрофессионалов. Если большая социологическая задача исследования — объяснить, как понятие направляет самый широкий спектр практик, как его смыслы рассеиваются и оседают в эмпирическом разнообразии взаимодействий, предлагаемое в настоящей книге исследование имеет лишь подготовительный характер.

В главах, посвященных исторической организации социологии и социальных наук, я возвращаюсь к связям понятия с географией. Здесь речь идет уже не о понятиях, которые, подобно «среднему классу», производятся социальными учеными о мире, а о самом понятии «социология». Хотя географические пути понятия объективируют в первую очередь политические отношения между обществом-донором и обществом-реципиентом, за первым шагом анализа, отсылающим к языковой географической карте понятий, следует второй, который направлен уже не на *географическую историю*, а на *территориальную логику* заимствованных категорий. Как и понятие «средний класс», которое остается исключительно экстерриториальным в русской научной речи XIX и начала XX в. (т.е. за редкими исключениями не используется авторами для описания «своего» социального порядка), аналогичным статусом обладает понятие

признаков отступает в нем на второй план» (из переписки с автором, 21.04.2014).

«социология». В начале XX в. ни институционально, ни лингвистически русская социология не может быть материализована в ином пространстве, нежели Париж. Но есть и противоположные примеры. В главе V я анализирую превращение науки и научности в доктринальное основание советского режима и прихожу к прямо противоположной констатации. Хотя понятие «прогресс» попадает в русский язык из европейских, преимущественно французских источников, а «научно-технический прогресс» вводится в словарь международных центров экспертизы, вероятно, раньше, чем в официальный советский словарь, символическая ценность этой категории в демонстрации различий между социализмом и капитализмом настолько велика, что Советский Союз послевоенного периода превращается в образцовую иллюстрацию «научно-технического прогресса», признанную и на международной сцене. В данном случае географическая история понятия полностью переопределяется его территориальной логикой.

2. Перед реконструкцией «работы» понятий следует определиться со списком тех из них, «работа» которых вносит наибольший вклад в субъективные схемы практик: их воспроизводство гарантирует порядок, в пределе они и являются самим социальным порядком⁵. Различные версии истории понятий и исторической семантики, естественно, не предлагают одного испытанного приема в формировании первичного списка. Козеллек в некотором смысле дает понять: вы сами увидите, когда перед вами — базовое понятие. Это приемлемо для исторического труда, ориентированного на составление обширного лексикона, но недостаточно для историко-социологического исследования, сфокусированного на изучении практик. Среди основных причин здесь можно назвать не только трудности такого подхода, плохо согласующиеся с требованием минимального обоснования в социологии, но и свои лингвистического порядка. Создатели лексиконов, которые описывают социальный порядок на

⁵ Обсуждение тезиса о субъективных основаниях социального порядка потребовало бы самостоятельного раздела и обращения к различным ветвям социологических традиций. Чтобы избежать этого в данном тексте, отошлю к статье, в которой этот тезис развернут на некотором графическом и биографическом материале: Бикбов А. Социальные неравенства и справедливость: реальность воображаемого (рисунки современного общества в России и Франции) // Логос. 2007. № 5.

периодах большой длительности, тяготеют к выбору в качестве ключевых понятий изолированных лексических единиц: «труд», «власть», «государство», «общество», «класс» и т.д.⁶ Это позволяет поддерживать консистентность лексикона, несмотря на сдвиги в социальных условиях воспроизводства системы языка. Однако периоды средней и малой длительности демонстрируют нам решающее отличие от этой картины. Среди наиболее действенно работающих понятий — по крайней мере, в российском случае — мы обнаруживаем *составные* лексические конструкции. Если это «класс», то «рабочий» или «средний», если «прогресс», то «научно-технический», если «гуманизм», то «социалистический» и т.д. В таких обстоятельствах попытки некоторых российских авторов механически копировать европейские исторические лексиконы, не соблюдая удвоенной бдительности в отношении социальных условий оборота понятий и исторической дистанции при реконструкции их смысла, дают весьма проблематичные результаты⁷. В действительности выявить, какие понятия лучше «работают», и означает дать ответ на вопрос, что есть ключевое историческое понятие в данный период. На интервалах, ограниченных десятилетиями или, самое долгое, столетием-полтора, социальные понятия, в которых объективируются осцилляции и сдвиги социального порядка, имеют форму лексических сочетаний.

В общем виде ключевые понятия — это такие конструкции, которые в ходе масштабных сдвигов социальных и политических структур выполняют функции операторов сдвига. Напри-

⁶ Образцом здесь, конечно, служит немецкий «Geschichtliche Grundbegriffe», выстроенный таким образом.

⁷ Именно такой предстает торопливая попытка краткого словаря русских политических понятий Олега Хархордина. Автор пренебрегает систематическим поиском граничных социальных условий в воспроизводстве исторической лексики и увлеченно перемежает периоды большой длительности в пределах одного абзаца (Хархордин О. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011). До более успешных опытов систематического словаря нельзя сказать наверняка, в какой мере небрежно-компилятивная организация статей этого издания обязана простой нехватке последовательной и методологически обоснованной обработки материала. Несмотря на это, текст представляет собой удачную иллюстрацию: без той или иной разновидности социальной истории или исторической социологии история понятий состоятельна лишь тогда, когда исследователь разделяет понятийные очевидности с изучаемыми авторами.

мер, «классовая война» операционализирует смысл «пролетарского государства» в первые два десятилетия после революции 1917 г., «научно-технический прогресс» и «всесторонне развитая личность» — характер режима «развитого социализма» в 1960–1980-е годы, «средний класс» — смысл послесоветского перехода к «демократии». Как отслеживать систематические возмущения, которые такие понятия вносят в ближайший контекст высших определений социального порядка и политических режимов (таких как «социализм», «капитализм», «демократия»)? Существует несколько показателей, позволяющих отбирать понятия на более твердых основаниях, нежели интуиция участников событий или держателей исторического архива.

Это изменения в словаре официальной государственной речи, в частности, публичных обращений высших государственных руководителей к населению и к политическому аппарату; материалы политических дебатов и экспертных дискуссий ввиду принятия новых законов, выработки перспективных планов и политических проектов; рабочая («серая») литература, издаваемая ограниченным тиражом для внутреннего использования правительственными комиссиями, техническими и финансовыми подразделениями органов власти, разнообразными вспомогательными структурами. За пределами корпуса официальной политической или официально лицензированной экспертной речи это статистика распространения отдельных понятий в заглавиях публикаций или их примерная оценка, которая может основываться на появлении или исчезновении отдельных библиографических категорий в высокоэтитизированных библиотечных классификаторах, отражающих символическую ценность этих понятий. Еще одним показателем служит активизация интеллектуальных дебатов вокруг того или иного понятия или темы, которая через идейную контроверзу вносит вклад в историческое поле понятия и дополняет его новыми элементами, доступными для повторной активации десятилетия спустя, в том числе в иных национальных и политических контекстах⁸. Наконец, это факты перевода доктринальных понятий в техни-

⁸ Райнхарт Козеллек достаточно подробно останавливается на этом, говоря о «наслоениях смыслов»: *Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор* / под ред. Х.Э. Бедекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

ческие, такие как перенос понятий «прогресс» или «фундаментальная наука» 1960-х годов с высоких политических трибун в номенклатуру государственного бюджета. То есть закрепление отдельных понятий в той институциональной форме, которая уже относительно нейтральна к последующим политическим катаклизмам. В начале 1990-х годов «научно-технический прогресс» перестает выполнять функцию ключевого оператора, или понятия-посредника, в определении государственного режима социализма и плановой экономики. Однако понятия «прогресс» и «фундаментальная наука» по сей день сохраняются в структуре российского государственного бюджета.

3. Оставляя в стороне реконструкцию историко-географической траектории понятий, социологическое исследование признает актуальность другого вопроса, оживляющего дебаты между английской и немецкой школами истории понятий. Это вопрос: кто и что производит понятия? Очевидно, что ответ на него не может быть слишком простым. Но что можно сделать сразу — это отказаться от традиционно филологической и в значительной мере архаичной установки, которая предполагает исследование «авторского и интенционального механизма в конструировании социальной реальности, осмысленной в языке»⁹. Участники проекта «Понятия о России», к счастью, не следуют презумпции индивидуального авторства понятий и, отвечая на вопрос «кто?», указывают в первую очередь на имперское правительство. Введение этой инстанции в описание периода (XVIII–XIX вв.), когда участию государства в производстве социального порядка несвойственны более современные нам монопольные формы, требует дополнительных пояснений и уточнений. Альтернативу этому составляет ряд материалов проекта «Персональность». Они демонстрируют ключевую роль в становлении семантического поля понятия «личность» интеллек-

⁹ Именно так координаторы проекта «Понятия о России» определяют общую цель коллективного исследования (Миллер А., Сдвижков Д., Ширле И. Предисловие // Указ. соч. С. 5–6). Это не слишком отличается от исходной методологической установки Квентина Скиннера, которая тяготеет скорее к классической филологии с ее инстанциями авторского намерения и идеи, чем к социальной семантике понятий (Skinner Q. *Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory*. 1969. No. 1). Конечно, не все авторы сборника «Понятия о России» и даже не все соавторы предисловия в своей работе строго придерживаются цели, обозначенной подобным образом.

туальных групп и центров того же периода, которые не имеют прямой связи с государственным аппаратом. Именно в работах и дебатах участников этих групп и центров приобретают эталонную форму некоторые смыслы, которые повторно активизируются при масштабных политических сдвигах в послевоенном СССР и в ходе демонтажа советского режима. Так или иначе, фактическое обращение к коллективным инстанциям наряду с текстами индивидуальных авторов важно, поскольку сближает методологии истории и социологии понятий. Оба проекта предлагают важные элементы для дальнейшего изучения не географической, а социальной траектории понятий. На основе данных, которые вводятся в настоящей книге, к государственным органам и интеллектуальным группам в XX в. следует также прибавить экспертные инстанции, в первую очередь научные и образовательные институты, а также СМИ, которые становятся основными «изготовителями» конкурирующих смыслов: часть последних государственный аппарат институционализирует в качестве политических универсалий.

Даже если в отдельных случаях можно проследить вклад тех или иных инстанций и участников в итоговую конструкцию понятия, следует исходить из того, что продукт подобных конструкторских усилий соотносим не с индивидуальной авторской интенцией или результирующим вектором нескольких интенций, а с практиками, локализованными в различных, в первую очередь профессиональных, институциях по производству смыслов. В этой перспективе понятие выступает анонимным и коллективным продуктом уже на отрезке его лексического генезиса. Такой его характер лишь закрепляется в ходе последующей циркуляции по каналам уполномоченной речи. Рутинные академические публикации, ведомственная «серая» литература, оформление технических классификаторов позволяют наблюдать неприглядную в своей серийности социальную жизнь понятий, которая избавлена от благородных оттенков истории идей, часто обязанной своим звучанием крайне узкой селекции авторитетных источников из мира философии, художественной литературы, образцовой политической риторики. Понятие приобретает характер ключевого через множество повторов и копирований, зачастую неререфлективных, порой механических. Такое положение дел прекрасно иллюстрирует сегодня социальная траектория основных политических категорий.

Переключившаяся из авангардных художественных и маргинальных академических публикаций в черновики безымянных спичрайтеров, которые дополняют их результатами диффузных заимствований и несистематизированного чтения, отдельные понятия становятся предметом публичного высказывания политических руководителей после того, как текст выступлений проходит их личную правку или редакцию их секретарей; будучи переозвучены и заново контекстуализированы журналистами, исходные лексические конструкции снова попадают в заглавия академических и экспертных, уже серийных публикаций. Именно в таком анонимизирующем публичном обороте единицы исторического публичного словаря окончательно избавляются от следов исходного авторства и становятся общими понятиями в собственном смысле, подобно популярному музыкальному мотиву или удачному анекдоту. Сам процесс продвижения лексической конструкции от одной инстанции к другой, в ходе которого происходит насыщение и переопределение ее смыслового поля, перепроизводит ее как понятие, которое находит свое место в символической архитектуре порядка.

4. Сознательное включение в исследование широкого круга социальных инстанций по производству понятий, который в пределе смыкается с набором профессиональных, биографических, политических условий производства и циркуляции смыслов, представляет собой серьезный разрыв с господствующими версиями истории понятий и истории идей. В частности, Квентин Скиннер отрицает важность изучения «социального контекста» авторского высказывания, усматривая в нем источник огрублений и ошибок при интерпретации авторского замысла¹⁰. Райнхарт Козеллек отчасти склонен рассматривать реальность социальных институтов как производную от смысла понятий, когда приглашает видеть в отдельных базовых понятиях такую производящую потенцию, которая определяет ход социальной истории¹¹. Отличительная характеристика исторической социо-

¹⁰ Skinner Q. Op. cit. P. 39–48. Подробнее дискуссии на этот счет см.: Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история метафор...

¹¹ С этой точки зрения очень показателен, например, разбор понятия «брак» и его исторической эволюции: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века... С. 49–50. При этом было бы неверно приписывать

логии понятий, опыт которой я предлагаю в настоящей книге, заключается в том, чтобы вовсе отказаться от мыслительной фигуры «социальный контекст», будто бы комплементарной смыслу или даже замыслу, заключенному в понятии.

Социология, отправным горизонтом которой служит социальная, т.е. коллективная и объективная реальность, позволяет исследовательски и операционально определять смысл понятия следующим образом: смысл — это то, как данное понятие используется в коллективных контрверзах и в процессах институционализации. Не больше и не меньше. Вне социальных взаимодействий, которые направляются теми или иными понятиями, невозможно установить какой-либо смысл. И если какой-то исторический смысл нам непосредственно доступен или очевиден, это оказывается возможным лишь потому, что условия нашего существования сохраняют сходство или подобие с ранее действовавшими. Часто у нас нет возможности с достаточной полнотой восстановить эмпирическое содержание взаимодействий. Однако следует максимально близко придерживаться этой посылки. Понимание — лишь следствие взаимодействий, которые производят субъективность. Такое операциональное определение понятия ближе всего к предложенному Пьером Бурдьё «практическому смыслу», который одновременно является практическим чувством, т.е. тем смыслом, которым вещи и понятия «естественно» наделены для участников взаимодействий, в условиях возможности, определяемых объективными социальными структурами¹².

По этой причине «индивидуальный автор» Скиннера, интенционально генерирующий смыслы, равно как «базовое понятие» Козеллека, генерирующее рамочные условия реальности, в качестве центральной методологической фигуры должны уступить

несвойственный методологический радикализм взвешенному и даже осторожному анализу Козеллека отношений понятия с реальностью. Резюмируя подход, который представлен в словаре «Основные исторические понятия», он явным образом указывает: «Понятия — это и показатели, и действующие силы политической и социальной жизни», и их использование «подвержено также действию внелингвистических сил, таких как [социальные] структуры, которые не могут быть изменены в одночасье» (*Koselleck R. A Response to Comments on the Geschichtliche Grundbegriffe // The Meaning of Historical Terms and Concepts... P. 61, 67*).

¹² Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А. Бикбова, Е. Вознесенской, С. Зенкина, Н. Шматко под ред. Н. Шматко. СПб.: Алетей, 2001. Кн. I. Гл. 3, 5.

место иной формуле: гомологии, или соответствию, между семантическим и социальным пространствами данного общества в данный период, которые взяты *сами по себе*, безотносительно к авторству и идейным рамкам. Такая смена методологического фокуса имеет по меньшей мере два кардинальных следствия, отделяющих историческую социологию понятий от исторической семантики и истории идей.

Во-первых, смыслообразование отныне рассматривается как практика *среди прочих*, т.е. как социальная практика. В этом случае для ее объяснения в целом иррелевантно представление об исходном замысле или авторской интенции так же, как оно бесполезно при объяснении других элементов социальной реальности *sui generis*. Следуя логике социологического подозрения, мы всегда можем достаточно точно локализовать подобный замысел, обращенный на значимое историческое понятие, в наборе объективных возможностей, биографических склонностей, характере борьбы, которую автор высказывания ведет в своей профессиональной среде или на политической сцене и т.д. Исходная авторская интенция, или смысл, который автор приписывает понятийной конструкции, будут здесь так или иначе детерминированы социальными, т.е. коллективными и объективными условиями самой возможности того или иного понятия. Бесконечная спираль «авторский замысел или объективные условия» вменяет исследованию ложный вопрос. Поэтому смысл понятия в историко-социологической работе следует исходно рассматривать как продукт и продуктивное основание социальной реальности. И смысл понятий, и смысл действий уже *наличествует* в эмпирической истории, зарегистрированный в текстах и иных результатах социальной практики. Нам следует изучать и описывать их как данные.

Во-вторых, анализ понятий, их семантического контекста, генерируемого отношениями с другими понятиями, исторического поля отдельных категорий, продуктивных и тупиковых (для каждого отдельного периода в разных языковых общностях) генеалогических линий исторической семантики имеет значение не сам по себе, не как акт реконструкции понятийного архива. Все исследование так или иначе имеет своим дальним горизонтом прояснение того, как понятия направляют практики. Достаточным для такой работы можно признать весьма ограниченный набор понятий, которые предоставляют доступ

к ранее ненаблюдаемым и неочевидным свойствам порядка. Составление исчерпывающего словарного списка, эта во многом предельная амбиция истории понятий или истории идей, вступает в конфликт с задачами исторической социологии, поскольку почти неизбежно, а порой и декларативно разрывает главную искомую связь — между семантическим и силовым измерениями порядка. Конечная цель исторической социологии понятий — не произвести исчерпывающий лексикон ключевых социальных и политических универсалий каждого периода, а глубже проникнуть в работу социальных механизмов, описав, как понятия выполняют «работу» узловых элементов социального порядка. Здесь основным ответом на вопрос «кто или что производит понятия?» служит анализ связи между институциональными (и институционализирующими) практиками и семантическими контекстами, которые формируются вокруг отдельных понятий, выполняющих роль социальных и политических универсалий в ходе работы инстанций освящения и распространения, таких как научные центры, государственный аппарат или СМИ.

5. В связи со сказанным историко-социологическое исследование вносит еще одну существенную поправку в методологию работы, предложенную Райнхартом Козеллеком. Козеллек предлагает различать в семантическом поле понятий Нового времени область опыта и горизонт ожиданий. Не отрицая эвристичности этого различия, историческая социология оперирует не только и не столько областью исторического опыта, осажденного в семантике понятия, сколько эмпирическим референтом понятия, который наделяется достаточно узким и специальным значением. На периодах малой и средней длительности эмпирическим референтом таких понятий, как «государство», «наука», «свобода слова» и др., выступает не опыт гражданства, исследований или публичного высказывания, а институты государства (например, министерство экономики или полиция), науки (академии наук и университеты), журналистики (редакции СМИ). Иными словами, эмпирический референт в данном случае, во всем спектре значений лексического термина — это прежде всего коллективные инстанции, которые гарантируют само социальное существование и воспроизводство понятия. Такие инстанции, как машины по производству смыслов, также служат источником проектных ком-

понент понятия, которые нормативно отсылают к желаемому или возможному будущему.

Признание исторической социологией множественности инстанций, т.е. коллективного и анонимного «авторства» понятий, не гарантирует нас от искажений перспективы, которые определяются локальной спецификой гуманитарных и социальных исследований. В частности, за пределами истории науки и науковедения российские исследователи редко обращаются к интеллектуальным центрам как источникам производства языковой и социальной реальности. Если в случае естественнонаучных дисциплин это еще может согласоваться со здравым смыслом, куда труднее оказывается признать, что глубокое воздействие на реальность способны оказывать социальные и гуманитарные дисциплины. В современном российском обществе, как и в позднесоветском, эта немыслимость прямо соотносится с убеждением «нас никто не слушает», которое в академических стенах подкрепляется слабостью структур коллегиального самоуправления¹³. Но, хотя академические социологи и их коллеги из смежных дисциплин слабо регламентируют условия собственной профессиональной жизни, результаты их систематической деятельности, пускай самые компромиссные в содержательном отношении, вносят решающий вклад в придание реальности ее воспринимаемой и узнаваемой формы. Происходит это по мере интеграции академической экспертизы в государственное управление. Уже в 1960-е годы, включившись в экспертный корпус государственного аппарата, социологи, психологи, философы не просто воспроизводят в академическом регистре понятия, звучащие с высоких государственных трибун. Через публичные дискуссии и вал публикаций они активно участвуют в придании новых смыслов политическим понятиям. В форме докладов и аналитических записок академические эксперты поставляют первичный речевой материал для публичного политического высказывания, а затем закрепляют политически освященные смыслы понятий в доктринальных и исследовательских публикациях. Результатом этого двойного переноса становится институциализация нетривиальных понятийных связей, которые сообщают новый смысл кардиналь-

¹³ Я подробно анализирую эти обстоятельства в главах третьего раздела книги.

ным политическим универсалиям. Именно так в административный и академический оборот 1960-х годов вводятся прежде невообразимые комбинации: «научно-технический прогресс» и «личность», «научно-технический прогресс» и «свободное время»¹⁴, — которые неявным образом перехватывают более ранние милитаризованные определения политической универсалии «социализм» и переводят ее в мирный, отчасти «буржуазный» контекст.

Демонтаж режима «научного социализма» и становление центров внеаппаратной и негосударственной экспертизы как конкурирующей, если не доминирующей формы интеллектуального участия в государственном управлении, вносит структурные изменения в этот процесс, но отнюдь не отменяет его. Даже то, что социологи, экономисты, политологи говорят сегодня об обществе торопливо или недобросовестно, придает смысл текущему балансу сил, который закреплен в понятиях «средний класс», «трудовые ресурсы», «бедные», «электорат», «элиты», «производительность» и т.д. В этих обстоятельствах перестают действовать в иных случаях решающие различия между образцовым теоретическим высказыванием и рутинной аппаратной речью, высотами интеллектуальной изобретательности и нищетой политического сервизма. Академические ученые и университетские преподаватели говорят то, что говорят. И весь корпус публичной речи, более не нуждающийся в предварительном государственном лицензировании, может быть использован и используется политически *post factum*. Вклад научных и образовательных институтов в производство политических понятий, со всей механикой интеллектуальных страховочных механизмов, которые заранее встроены в их публичный оборот, делает вдвойне опасными ограничения, которые диктует историческая семантика понятий. По меткому замечанию Пьера Бурдьё, «всякий анализ идеологий в узком смысле как легитимирующих дискурсов, не включающий в себя анализ соответствующих институциональных механизмов, рискует стать не более чем добавочным вкладом в

¹⁴ См., напр.: Научно-технический прогресс, социальное развитие и свободное время. Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации / под ред. А.А. Зворыкина. 1969. № 9 (24). Эта связь подробно анализируется в гл. IV наст. изд.

эффективность этих идеологий»¹⁵. Демистифицирующая цель историко-социологического исследования понятий состоит в том, чтобы соотнести эту публичную речь с условиями ее производства, которые снабжают такую речь способностью размечать реальность, придавая последней актуальный и перспективный смысл.

РАБОТА С МАТЕРИАЛОМ: ДЕЛЕНИЯ И ПРИЕМЫ

Если понятия объективируют историю в форме текстового архива, как и в невидимой власти над настоящим и будущим, историко-социологическое исследование становится наиболее действенным способом описывать согласованные между собой лингвистические и политические эффекты «работы» понятий. Сохранение лексики прежнего периода в публичном обороте настоящего обязано воспроизводству социальных структур точно так же, как исчезновение из публичного оборота прежде ключевых универсалий, а смещение ранее господствующих категорий на периферию понятийной сетки сопоставимо с миграцией к ее центру узкоспециализированных или маргинальных смысловых единиц. Когда подобные семантические события распространяются на масштаб всей понятийной сетки, захватывая множество ее узлов одновременно, они вступают в прямую связь с социальным порядком, обеспечивая его консервацию или преобразования. В подобных случаях мы можем быть уверены, что семантика публичной речи синхронизирована с масштабными сдвигами в до- и непонятийных социальных структурах. Порой связь между смысловыми и силовыми структурами артикулируется явным и рефлексивным образом, как в случае революционной необходимости. Но чаще эта связь не так очевидна в каждый отдельный момент и требует специального исследования.

В противоположность ранним подходам, сосредоточенным на выделении «твердого ядра» семантики понятий и дальнейших операциях с этим ядром, предлагаемый в данной книге подход основан на анализе различий между текстами и позициями, где определяется смысл понятий. В качестве точек отсчета я беру группы текстов, схожие в функциональном отношении

¹⁵ *Бурдые П.* Указ. соч. С. 263.

и расположенные на достаточной хронологической дистанции одна от другой, что позволяет фиксировать значимые семантические различия¹⁶. При этом среди текстов, принадлежащих одному периоду, я уделяю особое внимание тем, которые объективируют различные, в пределе противоборствующие позиции, претендующие на придание понятию смысла, или резюмируют результаты такой борьбы. Это имеет принципиальное значение, когда мы наблюдаем, как при помощи понятий создаются или разрушаются институты, укрепляются альянсы и обостряются конфликты, совершается мобилизация социальных групп. Здесь смысл социального действия оказывается неотделим от ценности, которую приписывают понятию, включенному в это действие. Возвратное движение между понятиями текстов, которые призваны направлять практику, и практикой, которая институционализирует понятия, составляет элементарную рабочую схему историко-социологического исследования. Далее я поясню, как некоторые методологические установки, вписанные в эту схему, реализуются в исследовательских приемах.

1. Смысл и ценность понятия не могут быть установлены вне семантического контекста, которым его снабжают другие понятия, находящиеся с ним в наиболее устойчивой узальной связи. Любое понятие связано с другими, и эта связь, понятая как текущая конфигурация понятийной сети в синхронном срезе, образует семантические гнезда, с которыми имеет дело практический деятель или исследователь. Чтобы сделать более понятным этот принцип, уместно напомнить о сосюрковском определении знака в системе, который актуален также в отношении отдельных социальных понятий: «В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет»¹⁷. Приступая к работе с тем или иным понятием, мы должны отдавать себе отчет, что беремся за один край понятийной сетки, и интересующее нас понятие

¹⁶ Вопросы максимальной дистанции (хронологической, а как следствие, и семантической) и ширины хронологического шага в целом достаточно активно обсуждаются исследователями. См., напр.: *Буссе Д.* Указ. соч. С. 122–123. В настоящей книге этот шаг в большинстве случаев измеряется двумя-тремя десятилетиями.

¹⁷ *Сосюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // *Сосюр Ф. де.* Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 154.

тянет за собой те, с которыми оно на тот момент наиболее тесно связано, они, в свою очередь, создают дальнейшие натяжения всей смысловой сети.

Если операционализировать практикуемый мною анализ семантики в терминах существующих подходов, он близок к модели ассоциативного тезауруса¹⁸, хотя и отличается от нее прежде всего способом измерения. Для исследований по реконструкции ассоциативного словаря естественного языка характерна статистическая обработка совместных вхождений (связей) терминов, представленных у его носителей. Анализ семантики социальных и политических понятий в настоящей книге с технической точки зрения представляет собой «ручную» и выборочную обработку контекстообразующих связей в опубликованных текстовых источниках¹⁹. В целом базовый лингвистический инструмент исторической социологии понятий — это выявление устойчивых ассоциаций между ключевыми понятиями и отслеживание периодов, когда такие контексты обновляются, т.е. когда в устойчивые отношения с изучаемым понятием вступают новые термины.

¹⁸ Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Издательство МГУ, 1977; Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ-Астрель, 2002.

¹⁹ Лежащий в основании ассоциативного тезауруса отказ от жесткого разделения между семантикой и грамматикой (Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. С. 5–7) позволяет не отождествлять ключевые понятия с грамматической формой отдельно взятого существительного. Это подкрепляет использованное мною определение семантического смысла понятия в контексте устойчивых ассоциативных связей как совместного употребления существительных или конструкций в форме прилагательное-существительное. При этом расхождения между устойчивыми спонтанными реакциями носителей языка и теми связями, которые выявляет анализ корпуса уполномоченной публичной речи, могут быть значительными. Так, по данным «Русского ассоциативного словаря» Юрия Караулова с коллегами, на стимул «личность» наиболее частыми реакциями стали «человек», «яркая», «незаурядная», «темная» (от 75 до 18 вхождений), тогда как на реакцию «всесторонняя» и «всесторонне развитая» пришлось по одному вхождению из 658. Неоднозначная картина характеризует стимул «прогресс», на который первыми следуют реакции «науки», «вперед», «регресс» (по 7–9 вхождений), тогда как «научно-технический» имеет два вхождения из 108 (<thesaurus.ru/dict/dict.php>, последний доступ 22.04.2014).

2. Понятие, которое означает не только ограниченный исторический опыт или проект, но относительно открытую к изменениям конфигурацию практик (прежде всего институционализированных), за счет эффекта семантического гнезда генерирует множество вторичных смыслов, не сводящихся к изолированным словарным формам. Среди этих вторичных смыслов особо следует выделять коннотации, которые через контекст употребления указывают на социальную *ценность* понятия. Так, функциональное различие между конструкциями «яркая личность» или «всесторонне развитая личность» и «темная личность» заключается в первую очередь в символической ценности, которая приписывается термину «личность» в каждом из случаев. И если каждая из таких конструкций вписана в воспроизводство господствующих позиций в конкретный период, например, когда в публичной речи государственных деятелей и журналистов в 1930-е годы слово «личность» с регулярностью коннотируется отрицательно, можно сделать вывод о социальной девальвации соответствующего понятия (см. гл. IV наст. изд.). Не следует забывать, что понятия, выделенные исследователем из их семантических гнезд, всегда хранят на себе отпечаток исследовательского произвола. Именно поэтому в целях корректной реконструкции смысла понятий важно связанное описание семантических и социальных параметров их воспроизводства. С семантической точки зрения, как бы ни была велика взаимная подвижность отдельных элементов каждого такого гнезда, относительную устойчивость фиксируемого исследователем смысла обеспечивает постоянство словарных ассоциаций. С точки зрения социальной механики устойчивые семантические связи с большей вероятностью будут обнаруживаться там, где эта связь поддерживается институционально, т.е. там, где понятие «работает» как основа институционализированной практики.

Выбирая между реконструированным смыслом или словарным термином понятия, на первом этапе работы необходимо следовать за термином, прослеживая его генезис и превращения в различных социальных контекстах. Так, если «социалистический гуманизм» в 1930-е годы определяется через классовую ненависть, а в 1950-е — через недопущение новой войны (см. гл. III наст. изд.), то в первую очередь нас должны интересовать смысловые разрывы, которые присутствуют в контексте лексического термина «гуманизм», а не устойчивый понятийный

смысл «классовой ненависти», который практически лишается собственного лексического выражения в послевоенный период. Если термин меняет смысл или понятие закрепляется в иной словарной конфигурации, следует рассматривать это как часть истории понятия, которая может прерываться при сохранении словарной формы, и наоборот. Поскольку смысл и ценность понятия не рассматриваются вне практик, которые их учреждают и в производство которых они включены, социологический анализ, сопровождающий семантический, позволяет проследить «приключения» понятий почти без потерь, характерных при составлении одного только текстуального (семантического) лексикона.

3. Приведенное ранее определение смысла понятия через взаимодействие имеет важное следствие. Семантический контекст понятия может быть в конечном счете раскодирован как продукт учреждающих социальных взаимодействий между различными позициями (группами, институциями) носителей и посредников. Здесь имеет смысл обратить внимание на два конкурирующих подхода к категоризирующей лексике, или историческим понятиям как единицам социального действия. В рамках методологий Райнхарта Козеллека и Квентина Скиннера понятия рассматриваются как смыслообразующие и генерирующие социальное действие единицы, чья принудительная сила в большей мере обязана естественному языку, чем историческим конфигурациям «социального контекста». В версии социолингвистики Пьера Бурдьё понятия описываются как элементы уполномоченной речи, т.е. смысл и значение понятия определяются в первую очередь тем, какую социальную позицию занимает публично высказывающийся, а рецепция его речи зависит от того, кем и как он был уполномочен на высказывание²⁰. Тем самым, поляризуя модели каждой из двух методологий, можно обобщить их следующим образом. Первая модель допускает, что смысл понятия генерирует новые отношения сил в социальной реальности и создает или изменяет саму публичную сцену социального действия. Тогда как вторая указывает, каким образом силовые отношения определяют выбор и смысл понятий,

²⁰ Bourdieu P. Le langage autorisé: note sur les conditions sociales de l'efficacité du discours rituel // Actes de la recherche en sciences sociales. 1975. Vol. 1. P. 5–6.

которые в тот или иной момент, синхронизированный с текущим состоянием баланса сил, или иерархизированным набором позиций, вводятся на публичную сцену.

Если эти два набора исходных допущений выступают конкурентами в теоретическом отношении, то в ходе историко-социологического исследования они фиксируют разные этапы исследовательской процедуры. Генеративный характер исторических понятий, на который обращает внимание Козеллек, позволяет отбирать из текстового корпуса те лексические конструкции, которые обладают наибольшей проектной «силой» или потенцией, выраженной в том числе и количественно. Например, в указанном ранее виде вала тематических публикаций в самых разнообразных профессиональных секторах, в форме стратегических классификаторов: административных, экономических, библиографических, торговых и т.д. Внимание к социальным и властным характеристикам носителей понятия, которые лежат в основе модели Бурдьё, позволяет проследить, в какие силовые отношения изучаемые понятия вписаны в текущий момент и как их смысл связан с силовой структурой уполномоченной речи, в частности, с институциональной организацией публичного высказывания. Такой двойной ход позволяет не только описать захват понятием новых семантических контекстов, но и объяснить социальные условия этой динамики, от институциональных инвестиций в поддержание той или иной конфигурации понятийной сетки до биографической predispositionности тех или иных участников взаимодействия к использованию отдельных терминов. Среди прочего, двойной шаг анализа позволяет структурно фиксировать «кому выгодно», чтобы та или иная лексема превратилась в ключевое понятие, через актуальный или проектный смысл которого можно влиять на баланс сил. Это в точности отвечает основной задаче исторической социологии понятий, которую я назвал ранее: установление соответствий между расстановкой социальных сил и структурой понятийной сетки, отраженной в ключевых понятиях.

4. Выявление устойчивых контекстообразующих связей в семантике понятий и отказ от рассмотрения лексем в «чистом виде», т.е. вне социальных взаимодействий, ведет к уточнению лексической размерности ключевых понятий. Я уже указывал, что на протяжении последнего российского столетия в качестве

понятий наиболее действенно «работают» не изолированные словарные универсалии, а составные лексические конструкции. В политической, научной, журналистской практике присутствуют не «достоинство», а «человеческое достоинство», не «личность», а «гармонически развитая личность», не «прогресс», а «научно-технический прогресс» и т.д. Предваряя результаты исследования, представленные в настоящей книге, я готов сформулировать сильное допущение об общей структуре русского понятийного словаря. Плохо «работая» изолированно в разметке реальности, лексические единицы в качестве исторических понятий размечают реальность (в актуальности и проекте), только когда вступают в устойчивые отношения с другими понятиями, образуя синтагмы. Это справедливо для терминов «личность», «прогресс», «достоинство», обладающих относительно долгой российской историей. Это верно и для более «молодых» в российском политическом и культурном горизонте понятий, таких как «демократия», которые нуждаются в дополнительных квалификациях, чтобы генерировать более ощутимые эффекты реальности: используется ли в разных случаях для универсалии «демократия» квалифицирующий нормативный признак «российская», «мировая» или «суверенная». Схожую картину раскрывает семантико-социальное поле русского понятия «средний класс», реальность которого видится крайне проблематичной даже горячим апологетам, пока заемный термин не дополняется квалифицирующими признаками, такими как признак «российский» — он не просто локализует «класс» географически, а отсылает к набору «особых» социальных свойств²¹.

²¹ Контекст приписываемых свойств задает восходящая к началу 1990-х годов тематическая дискуссия о несходстве стандартов жизни (и критериев выделения) среднего класса в России и в «цивилизованных странах». Почти через 20 лет после открытия этой дискуссии в публицистике эмпирические исследования социологов по-прежнему строятся на нормативном отнесении к успешным образцам: «В России, где состояние общества с точки зрения его социальной структуры, политической повестки дня, а во многом — и общественного сознания, соответствует скорее Центральной Европе 1950–1960 годов, чем сегодняшнему состоянию европейского общества, концепция среднего класса представляется весьма актуальной» (Критерии выделения и определение численности среднего класса в современном российском обществе // Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН и Фонд им. Фридриха Эберта в РФ, 2006. С. 7). (Конструированию понятия

Необходимость в уточняющих *квалификациях*, которые делают понятие «работающим», с большой вероятностью объясняется длительным понятийным трансфером, который происходит в виде импорта не только терминов, но и политических институций, частичного и компромиссного на всем своем протяжении²². Конечно, российский случай не исключителен, и схожие свойства понятийной сетки мы, с большой вероятностью, обнаружим в других обществах с аналогичной практикой. Наличие внешних эталонных форм, которые становятся предметом трансфера, выступает источником основополагающего смыслового и ценностного напряжения, пока степень, форма и успех реализации проектов в обществах-донорах систематически идеализируются в обществах-реципиентах. Идеализация закрепляет в смысловом поле понятий иерархию между полноценными заемными образцами «цивилизованных» норм и неполноценными местными реалиями. Если в рамках развернутого высказывания такое напряжение традиционно выражается в явном противопоставлении «российского» (наделяемого негативной символической ценностью) и «цивилизованного» (с позитивной ценностью)²³, то в свернутом виде то же противопоставление содержится уже в лексической форме понятий. Конструкции «российский средний класс», «суверенная демократия», «социалистический гуманизм» и даже «всесторонне развитая личность» отчетливо коннотируют несовпадение локальных версий реальности с заимствуемыми проектными категориями «средний класс», «демократия», «гуманизм», «личность». Такую схему трансфера, которая воспроизводит регулярную асимметрию между образцовыми понятиями и «не вполне подходящей» реальностью, трудно квалифицировать

«средний класс» российскими социологическими и экспертными инстанциями посвящена гл. II наст. изд.)

²² Следует отметить, что большинство исследований по истории понятий в России имеют своей отправной точкой факты заимствования ключевой интеллектуальной и политической лексики в русском языке и культуре из европейских.

²³ Конечно, в периоды реакции, которые следуют за активной и никогда не завершённой вестернизацией политических и социальных институтов, порядок ценности инвертируется. Позднесоветская модель представляет в этом отношении более сложную схему заимствований-отталкиваний, которой посвящены главы второго раздела настоящей книги.

иначе как самоколонизацию. С содержательной точки зрения продуктивной здесь будет параллель с исследованиями Николая Плотникова, который обнаруживает в основании российских государственных реформ, начиная с XVIII в., метафорическое представление о российском обществе как «*tabula rasa*»²⁴. Регулярное нормативное преобразование местной «бесформенной материи», форма для которой каждый раз заново заимствуется в институтах Западной Европы, является достаточно точным выражением перманентной самоколонизации²⁵.

Если реальность соответствует понятиям лишь с квалифицирующими оговорками и решающая оговорка обозначена в самой словарной форме, то дополнительные квалификации делают сцепление с реальностью более или менее приемлемым. При этом нет сомнений, что действительным источником сохраняющегося зазора служат не отношения между понятием и реальностью, а сама практика переноса понятий — в том числе лингвистическая, но в первую очередь политическая. Трансфер понятий с квалифицирующим признаком производит структурный эффект, во многом противоположный натурализации, как ее определяет Ролан Барт²⁶. В отличие от натурализации, которая превращает историческое в природное в интересах господства, стирая заложенные в понятии различия и противоречия и тем самым существенно затрудняя его критику, прием квалифи-

²⁴ В частности, см. его доклад на философском факультете МГУ «Государство и личность в русской интеллектуальной истории. История понятий как форма социальной критики». 26.05.2010.

²⁵ Среди исследований, обращающихся к российской и советской истории в терминах колонизации и постколониализма, следует также упомянуть сборник: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Отправной в анализе российской истории здесь служит модель этнико-географической колонизации, которая напрямую не отсылает к организации понятийной сетки. Эвристичной, однако, предстает сама попытка критического анализа имперского правления как колониального. Остается сожалеть, что статья координаторов проекта определяет внутреннюю колонизацию таким образом, который почти не позволяет различать практики этнической колонизации и практики классового и иных форм господства (Кукулин И.В., Эткинд А.М., Уффельманн Д. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри...).

²⁶ Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Мифология / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996.

кации неявно и непрерывно ставит под сомнение реальность, стоящую за понятием, а в случае, когда подобным образом сконструирован целый ряд ключевых универсалий, — реальность самого общества. На деле квалифицирующая конструкция ключевых понятий, свойственная трансферу колониального типа, выполняет двойную социальную функцию. Она сообщает приемлемый (временный и компромиссный) характер понятию при его переносе и адаптации в действующей понятийной сетке, что позволяет тому «работать» как форме восприятия реальности. И она же оставляет открытым отходной путь для политических и экспертных инстанций в случае масштабных консервативных сдвигов в балансе сил, которые в России (и не только) сопровождаются систематической критикой «Запада», куда генетически отсылает ряд заимствований, чье происхождение не окончательно стерто процессом их использования. Принимая во внимание социальную модель понятийного трансфера, в историко-социологическом исследовании следует обращать особое внимание на лексическую конструкцию понятий и извлекать из нее так много политического, как это возможно.

5. Отдельного пояснения в рамках настоящей работы, вероятно, заслуживает само определение политического. В предельном отношении ключевые понятия настолько политические, насколько они являются общими. Дело в том, что любое понятие превращается в ключевое историческое, лишь став предметом уполномоченной речи и работы по универсализации и институционализации. В поле социальной практики это означает, что понятие пропускают через свою речь профессионалы от политики, число его употреблений растет в языке СМИ, адресующихся к большинству, оно используется в мобилизующей речи не только в профессиональной политике или во взаимодействиях между политическими делегатами и мобилизованным большинством, но и, например, в борьбе между научными группами, литературными альянсами и т.д. Именно таким образом стратегические узлы понятийной сетки советского общества сквозным образом скрепляются и коннотируются понятийными парами «личное — коллективное», «чистое — практическое», «абстрактное — классовое» и рядом подобных, которые представляют собой одновременно формы мышления, конкурирующие карьерные стратегии, научные категории, мотивы политических кампаний и репрессий, а в отдельных случаях — условие жизни

и смерти политических и научных противников²⁷. Во всех случаях понятия аккумулируют в своем смысловом поле прагматику межпозиционной борьбы, которая неразрывно связана с балансом социальных сил.

Властные эффекты этой прагматики возвращают нас к отождествлению Эмилем Бенвенистом понятия и института. Практикуемый мною метод не чужд бенвенистовскому радикализму: ключевое понятие, которое мы рассматриваем не как изолированный элемент культурного словаря, а как *raison d'être* административного учреждения или полюс практической оппозиции, управляющий борьбой между фракциями противников, — *и есть* институт. Пьер Бурдьё, в чьих исследованиях наряду с аппаратом социологии задействованы инструменты социолингвистики, также уделяет исключительное внимание категориям и классификациям, понимаемым как языковые и мыслительные различия, которые *непосредственно* упорядочивают практики²⁸. Такие различия, лежащие в основе производства социальных групп и взятые в качестве исходной переменной исследования, позволяют зафиксировать разнообразие речевых и силовых действий, которые материализуют смысл. Например, понятие «средний класс», которое является одновременно семантической и социальной категорией, находит определение в перечне критериев социологического или маркетингового исследования (по уровню доходов и образования, характеру занятости, типу потребления), в показателе численности из системы государственной статистики, в императиве поддержания общественной стабильности из уст страстного публициста или

²⁷ Вся историю науки советского периода можно представить через серию оппозиций, в которых определяют себя противостоящие фракции профессионализирующихся исследователей и профессиональных доктринеров. При этом оппозиции задаются не только полярными терминами, такими как «личность и коллектив», но и достаточно тонкими контекстуальными различиями, для которых используется одна и та же базовая лексика: «гармонически развитая личность» и «коммунистическое воспитание личности», «средние слои в союзе с пролетариатом» и «средние классы буржуазной пропаганды» и т.д. (Подробнее эти эффекты рассмотрены в главах второго раздела настоящей книги.)

²⁸ Я не буду давать здесь ссылку на какую-то одну работу Бурдьё, учитывая, что «категории» и «классификации» составляют такую же неотъемлемую часть методологического арсенала его исследований, как и понятия-инструменты «поле» или «габитус».

государственного деятеля, в несогласии с высоким налогом на прибыль из публичной речи политического представителя, в самохарактеристике члена правления частного банка на митинге протеста и т.д.²⁹ Эти определения могут отсылать к некоторым общим основаниям и интеллектуальным операциям или игнорировать друг друга. В пространстве конкурирующих политических идеологий «средний класс» наделяется миссией по мирному спасению общества от межклассового насилия и революции. В пространстве стилей жизни тот же «средний класс» кристаллизуется на стыке потребительских влечений и экспертизы повседневности: в форме регулятива стиля жизни, который нишевые СМИ транслируют аудитории своих разборчивых читателей. Важно, что каждый из этих способов противопоставляет «средний класс» чему-либо или кому-либо еще, пускай и не всегда в явной форме, практически вводя такое смысловое различие (если мы анализируем современный российский случай, то в пределе — дистанцию по отношению к «советскому»), которое одновременно служит перформативным способом деления людей на группы.

Использование таких различий в качестве единиц анализа отменяет жесткую методологическую границу между поняти-

²⁹ В целом понятие «средний класс», которому посвящено исследование первого раздела настоящей книги — великолепная иллюстрация глубокой, но незаметной политизации актуального социального словаря. С конца 1990-х годов наиболее частыми мотивами академической и экспертной речи в отношении среднего класса в России остаются критерии и численность этой гипотетической группы. И почти никогда предметом рефлексии не становятся политические запросы, адресованные профессионалам по производству смыслов, по мере реализации которых понятие наделяется теми или иными проектными признаками. Одновременно связь категории «средний класс» с другими проектными универсалиями, например, «демократия», может устанавливаться и утрачиваться на удивительно кратких хронологических промежутках. Это характерно не только для российской, но и для европейской публичной речи. Так, если во второй половине 1990-х годов язык «единой Европы» утверждает связь между «средним классом» и «демократией», всего десятилетием позже в официальных документах Евросоюза российский «средний класс» определяется лишь как емкий покупательский «рынок» европейской продукции. Использование критического метода исторической социологии обнаруживает специфическую обратную связь: чем более глубоко категория определена политически, тем меньше эксперты, участвующие в придании ей смысла, склонны замечать эту определенность.

ем, классификацией, категорией и институтом. В решающем для исторической социологии измерении все они возвращают исследователя к смыслу, который доопределяет и упорядочивает силовые линии социальных взаимодействий. В настоящей книге разнообразие форм, в которых выражены эти различия, рассмотрено как элемент общего пространства, где социальная и хронологическая дистанция, отделяющая введение в публичный оборот понятия от создания института, а создание института — от использования технической классификации, может быть неощутимой. Такое понимание позволяет уйти, среди прочего, от бесперспективных противопоставлений, навязываемых «теоретической социологией» и гуманитарной публицистикой: норма или реальность, порядок или изменения, культура или власть, эмпирическое или априорное, микроуровень или макроуровень и т.д. В исследовании, внимательном к практическим различиям, подобные смысловые суррогаты мгновенно вытесняются работой по реконструкции явных и свернутых текстуальных оппозиций, которые в изучаемый период используются непосредственными участниками взаимодействий. А также выявлением таких контекстов, где производится декларативный или неявный разрыв со смыслами понятия предшествующего периода и где новые контекстообразующие связи между понятиями позволяют обнаружить присутствие новых социальных позиций или смену отношений между существующими. Именно в этих точках история понятий становится наиболее политической. Через обращение к социальным условиям таких разрывов мы получаем возможность прояснить, как функционирует и как меняется социальный порядок.

ГЕНЕАЛОГИЯ НОВОГО ПОРЯДКА

Р А З Д Е Л П Е Р В Ы Й

Что сегодня в России наиболее осязаемо маркирует 25-летний разрыв с прежним политическим и социальным порядком? Обилие городских кафе и вывески на латинице, свободный оборот международных валют и поездки за границу, поиск работы через собеседования и манера одеваться? Несомненно. Обширно рассеянные и регулярно воспроизводимые, эти признаки складываются в стилистические ансамбли: способы организации времени, привычек, желаний, — которые придают новому порядку характер неустранимой данности. За осязаемыми ансамблями регулярных обыденных взаимодействий, где приобретает или подтверждает свое эмпирическое содержание современность, проступают менее очевидные структуры — порядок в собственном смысле слова. Некоторые из этих структур еще не обладают собственной понятийной формой, которую им, возможно, предстоит получить в будущем. Иные, напротив, предстают результатом осуществления проектных форм — результатом, который всегда расходится с проектом, хотя никогда не разрывает с ним окончательно, имея его своим регулятивом, ориентиром или, по меньшей мере, требованием безопасности.

Не является ли большинство очевидных для нас форм актуального порядка воплощением проекта или серии связанных между собой проектов? Это было бы слишком сильным утверждением в платоновском духе. Не способны ли мы видеть порядок вместо констелляции случайностей именно потому, что реальность отвечает заранее введенной понятийной разметке? Целый ряд исследователей, в том числе далеких от истории понятий, отвечают на этот вопрос утвердительно¹. Проблема эмпириче-

¹ Этот ответ содержится, например, в аналитике Пьером Бурдые легитимных делений социального мира, через которые реальность становится воспринимаемой, действие — осуществимым, порядок — приемлемым и управляемым (напр.: Бурдые П. Описывать и предписывать // Логос. 2003. № 4–5). Согласно Бурдые, такие деления выражены в оппозициях, структурирующих поле восприятия, а не в серии изолированных понятий. В этом — лингвистическом — измерении его метод остается верным не только структуралистскому кредо, но и соссюровскому определению знака, который получает значение только через отношения с другими знаками. Деления могут не иметь понятийной формы и успешно функционировать как схемы практического чувства. Однако легитимный язык, который не перестает интересовать Бурдые как средство придания формы реальности, может включать в синхронном срезе те же проектные категории, к исследованию которых, с иными инструментами, обращается история понятий.

ского разрыва проекта с реальностью, т.е. анализ отношений, в которые вступают между собой смысловые и силовые порядки, — один из учредительных моментов социологического исследования. Он присутствует и в этом разделе книги, и в книге в целом. Однако эмпирические рассеивания на границах и стыках символического порядка — не главный ее предмет. Я предлагаю эскиз работы по установлению тех исходных границ и делений, которые в качестве ориентиров и регулятивов направляют производство реальности. Вернее, ту ее часть, которая не предшествует проекту, а включена в создание проекта или следует за ним. Аргумент в пользу такого подхода состоит в том, что генеалогия актуального порядка еще недостаточно ясна и изучена даже в своей проектно-нормативной части. И первой задачей в этих условиях становится предварительное прояснение и систематизация тех предпосланных форм, в которых мы, нередко сами того не замечая, мыслим реальность своего общества и строим планы в ее отношении.

1. Структура проекта: «средний класс» для «демократии»

В ряду таких *понятий-проектов* особое место принадлежит понятию «демократия». Имеется немного политических универсалий, настолько отчетливо соединяющих в себе логики торжественного доктринального перформатива и будничной процедурной констатации. Вероятно, ранее таким свойством обладал «научно-технический прогресс», перипетиям которого посвящены две другие главы этой книги. В последние десятилетия циклы политической борьбы и синхронизированной с ними политической журналистики изобилуют возвратами к значению понятия «демократия» с целью пересмотреть и переприсвоить его в интересах фракций-победителей. Квалификация *любого* политического режима, который должен определяться по отношению к демократии, отражает сегодня господствующий характер этой универсалии, т.е. ее неустранимость из политических классификаций. Гибридные конструкции, подобные «суверенной демократии», которые используются во всем мире далеко за пределами России, служат прекрасной тому иллюстрацией: от «исламских демократий» Ближнего Востока до критикуемых проектов «ограниченной демократии» во Франции. Однако без понятий-посредников, которые контекстуально определяют смысл универсалии, невозможна ни ее семантическая перенастройка, ни предваряющая ее фиксация особого места и ценности в сетке политических категорий. Эксплуатируемое предельно активно, а потому неуловимо текучее в публичной речи понятие «демократия» должно быть оснащено менее броской прагматической «изнанкой», благодаря которой заинтересованные манипуляции над ним могут быть упорядочены, а само оно может быть ограждено от чрезмерной девальвации.

В господствующем сегодня экономическом способе определять социальный мир, как и во всем корпусе высказываний об экономике и по экономическим вопросам, таким понятием-посредником служит «[частная] *собственность*». В России 1990-х годов она тесно увязывается с успехом демократических

и рыночных реформ и с этого момента утверждается в центре сетки политических и социальных категорий. Егор Гайдар, один из ключевых проектировщиков нового экономического и политического порядка, называет «уникальные проблемы, которых, пожалуй, не было у других стран», относя к ним «формирование среднего класса, осознание обществом и государством идеи легитимности частной собственности»². Тремя веками ранее интеллектуальная и политическая работа с этим понятием в некоторых европейских контекстах приводит к признанию собственности предварительным условием личности³. Не вполне очевидное следствие такой работы в российских 1990-х — ее перенос в контекст борьбы с «пережитками» социализма: частная собственность признается спасительной против государственного «иждивенчества», производящей на свет нового «хозяина» (страны, земли, дома) по факту одного только юридического оформления⁴.

Следуя экономической линии в генеалогии российской демократии, можно предположить, что она ведет нас к таким социальным категориям, как «предприниматели» или даже «богатые». Однако это допущение будет неверным. Контекст универсалий, которые занимают центральное место в категориальной сетке, демонстрирует большую семантическую и историческую вариативность. То же развернутое высказывание, которое признает собственность высшей добродетелью нового (проектируемого) порядка, может присваивать негативную ценность собственникам. Именно это мы в явном виде наблюдаем у некоторых авторов начала 1990-х годов, от наивных теоретиков социальной утопии после СССР до критиков-реалистов, которые видят опасность для демократии в укреплении «богатых», чьи ряды пополняются новыми предпринимателями и старыми директорами приватизируемых предприятий, в том числе когда собственность передается «государственно-капиталистическим концернам, номенклатурным государственным и партийным

² Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. С. 201.

³ См.: Плотников Н. Личность и собственность. Аксиоматика персональности в европейской и русской философии // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта, при участии В.И. Молчанова. М.: Модест Колеров, 2007.

⁴ См.: Кирчик О. Дискуссии по аграрному вопросу в постсоветской России // Отечественные записки. 2004. № 1.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

работникам, сросшимся с ними мафиози»⁵. В конце десятилетия связь крупной собственности с демократией в России подвергается сомнению даже либеральные центристы, которые склонны противопоставлять ее малой собственности и критиковать механику возникновения крупных состояний в условиях государственной коррупции⁶.

Не став «священной», как того требовали радикальные экономисты-реформаторы и политически близкие им публицисты, через некоторое время «собственность» приобретает более скромный технический статус, закрепившись в административных, кадастровых, фискальных классификаторах. Однако и сегодня нормативное соединение демократии с частной собственностью воспроизводится в целой серии контекстов, вплоть до самых неожиданных. Например, в экзаменационных заданиях по обществоведению, которые играют не последнюю роль в политической социализации старшеклассников. Здесь мы сталкиваемся с триадой «собственности», «личности» и «демократии», которая отсылает нас к духу Джона Локка. При подготовке к экзаменам среди неоконченных суждений, к которым следует подобрать верное окончание, мы можем обнаружить и такое: «Экономические основы гражданского общества предполагают следующее...» Верный ответ гласит: «частная собственность выступает в качестве экономической основы независимости личности»⁷. В тех же подготовительных материалах к экзамену обоснованием связи гражданского общества и демократии

⁵ См.: *Беляева Л.А.* Российское общество в преддверии рынка: тревоги, ожидания, надежды // Мир России. 1992. № 1; *Шкаратан О.И., Фигатнер Ю.Ю.* Старые и новые хозяева России (от властных отношений к собственническому) // Там же; *Умов В.И.* (Пантин В.И.) Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // Политические исследования. 1993. № 4.

⁶ См., напр.: *Кузьминов Я.* Слабость государства порождает коррупцию // НГ-Политэкономика. 1999. № 17 (39). Спустя почти десять лет схожие выводы звучат в публицистике еще более критической и, очевидно, исходящей с конкурирующего политического полюса. Напр.: *Примаков Е.* Современная Россия и либерализм // Российская газета. Власть. 2012. 17 декабря; *Симолян Р.* Реформы 1990-х годов: общественно-политические результаты // Континент. 2011. № 147.

⁷ *Кишенкова О.В., Семке Н.Н.* ЕГЭ. Обществознание. Универсальный справочник. М.: Эксмо, 2012. С. 308. В ряду некоторых прочих это пособие используется в средних школах Москвы для подготовки учеников к Единому государственному экзамену.

служат слова Ральфа Дарендорфа: «Фактически гражданское общество — общий знаменатель демократии и эффективной рыночной экономики»⁸. Иными словами, даже если безусловность этой связи ставится под сомнение специалистами, еще долгое время она сохраняет обязательный характер при адресации речи к куда менее искушенной публике.

Оставив в стороне чистые нормативные контексты, мы легко обнаружим, что в политическом и академическом секторах «собственность» встречается в определении понятия «демократия» вместе с целым рядом других понятий-посредников. В начале 1990-х годов их связь, как в случае «собственности», может быть выражена эксплицитно и служит точкой приложения усилий со стороны социологов, экономистов, политологов и, не в последнюю очередь, журналистов. Примеры артикулированной экспертной критики крупной собственности дают нам подсказку в поисках менее двусмысленного понятия-посредника среди социальных категорий. Учитывая, что «богатые» могут нести угрозу для нового порядка, а «бедные» дважды стигматизированы своей неудачливостью и «иждивенческой» связью с советским режимом, авторы целого ряда текстов прочно ассоциируют успех демократии с теми, кто в их глазах олицетворяет спасительную середину социальных иерархий. В двух поворотных точках истории нового российского порядка, в начале 1990-х и в начале 2010-х годов, социальные гарантии «демократии» встречаются в плотной связке с понятием «средний класс». Согласно серийно тиражируемому определению, «в странах с развитой рыночной экономикой и демократическим политическим строем [средний класс]... выполняет ряд функций, важнейшей из которых является функция социального “стабилизатора” общества»⁹. С существованием, активностью и численностью

⁸ Кишенкова О.В., Семке Н.Н. Указ. соч. С. 294–295. Не менее красноречиво правильное решение тестового экзаменационного задания из другой подборки: в Конституции страны Z после смены диктатуры демократией обязательно должна быть представлена следующая статья: «В государстве обеспечиваются равные условия развития для предприятий различных форм собственности, гарантируется неприкосновенность частной собственности» (<soc.reshuege.ru/test?theme=14&ttest=true>, последний доступ 03.04.2013).

⁹ В данном случае цитата из: Средний класс в постсоветской России: происхождение, особенности, динамика (Аналитический доклад по материалам всероссийского социологического исследования) // Средний

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

этой социальной категории в различных сегментах публичной речи связывается успех «демократической модернизации общества», поддержание «демократических ценностей», демократизация политического режима.

РУССКИЙ XIX ВЕК: ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА КАК СМЫСЛОВАЯ

До любого детального анализа высказываний 1990-х годов о среднем классе следует уточнить происхождение того понятийного конструктора, который в них задействован. Прежде всего имеют ли они связь с дореволюционной российской историей понятия? Историк Михаил Велижев возводит ее к сочинению Сергея Уварова¹⁰, написанному по-французски, где «средний класс» отождествляется с «третьим сословием» как моральной и политической силой. Такой смысл во многом обязан выборочному заимствованию французских интеллектуальных образцов, которые не закрепляются в русских понятийных соответствиях. Спорадический перенос, который продолжается в более поздних публикациях, написанных уже по-русски, в середине XIX в. инкапсулирует понятие во французском контексте. С некоторыми оговорками это справедливо для всей доминирующей линии российской политической и социальной мысли, на преемственность с которой порой претендует академическое и журналистское высказывание 1990-х. Например, в «Очерках вопросов практической философии» Петра Лаврова (1859) понятие «средний класс» употребляется всего один раз — в переводе цитаты французского автора. В «Письмах из Франции и Италии» Александра Герцена (1847–1852) «среднего класса» нет, но симптоматично используется понятие «классы»: в контексте европейских событий. В его же сборнике «Былое и думы» (1868), где речь идет о российских

класс в современном российском обществе / под общ. ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко. М.: РНИСиНП-РОССПЭН, 2000. С. 78. Ссылка из этой цитаты ведет на статью Татьяны Заславской и Регины Громовой, опубликованной двумя годами ранее.

¹⁰ Велижев М. «Цивилизация» и «средний класс» // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

реалиях, «классы» либо отсутствуют, либо прямо отождествляются с «сословиями»¹¹.

Для рубежного периода начала XX в. также не характерен особый интерес к «среднему классу». В «Общем ходе всемирной истории» Николая Кареева (1903), где предложен эскиз социальной иерархии, встречаются «имущие классы» и даже «культурный класс»; но этим трансторическая модель социальной структуры ограничивается, явственно тяготея к образцам европейского Старого порядка. «Средний класс» не встречается ни в одном из текстов сборника «Вехи» (1909) — в отличие от основополагающего «образованного класса» интеллигенции, которому присвоена высокая проектная ценность. Интерес к «демократическому движению» и «торжеству эгалитаризма» у Пителима Сорокина в «Преступлении и каре» (1914)¹² не притягивает в тот же текст «средний класс»: понятие появляется в трудах социолога уже в американский период. То есть даже в работе молодого ученого-прогрессиста, хронологически близкой к революции 1917 г., «средний класс» не становится понятием-посредником «демократии» и «эгалитаризма».

Важное исключение из этой системы умолчаний составляет, на первый взгляд, радикальная критическая ветвь, представленная Николаем Чернышевским и русскими марксистами. В «Капитале и труде» Чернышевского (1859) мы находим «средний класс» в значении, близком к французской «буржуазии»: это «банкиры, купцы и мануфактуристы», а также «антрепренеры... заводчики и фермеры». Более того, здесь категория получает некоторую проектную ценность. Расположенный между «высшим классом» и «простым народом», «средний класс еще не совер-

¹¹ «Один из самых печальных результатов петровского переворота — это развитие чиновнического сословия. Класс искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать...» (*Герцен А.И.* Былое и думы: в 3 кн. М.: Художественная литература, 1982. Ч. 2. Гл. XV). В некоторых случаях происходит обратный перевод российских категорий в европейские, например, когда автор говорит о «спартаковской жажде восстания рабочего класса против среднего сословия» в Англии (Там же. Ч. 6. Гл. IV).

¹² *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. С. 444–463. В кратком историческом обзоре Сорокин снова останавливается на сословиях, характеризуя победу третьего сословия во Франции как «окончательную точку в процессе уравнивания услуг и привилегий буржуазии» (Там же. С. 460).

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

шенно уничтожил всякую самобытность в высшем сословии и не совершенно поглотил его в себе... с каждым годом во всех странах средний класс торжествует экономические победы и часто наносит политические поражения своему сопернику»¹³. Европейское сходство оказывается неслучайным: как и во многих других случаях, речь идет не о России; контекст употребления понятия ограничен авторским разбором английской политэкономической теории. Тот же принцип управляет появлением «среднего класса» в небольших текстах Георгия Плеханова «Столетие великой революции» (1889) или «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории» (1895).

Не менее показательны в этом отношении тексты Владимира Ленина. В работе «Развитие капитализма в России» (1899) среди социальных категорий, вовлеченных в становление нового экономического порядка при распаде традиционного крестьянского уклада, он упоминает «новые общественные классы, по необходимости стремящиеся к связи, к объединению, к активному участию во всей экономической (и не одной экономической) жизни государства и всего мира». Такой социальный тип ассоциируется с промежуточной категорией фабричного крестьянина, который представляет собой «особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных». Однако «особый класс» постоянно ускользает от окончательного превращения в понятие, несмотря на то что, наряду с «классом рабочих» и «буржуазией», в итоговую социальную типологию автор вводит такие менее очевидные классовые категории, как «зажиточные мелкие хозяева» и «бедные мелкие хозяева»¹⁴.

Отдельную категорию текстов составляют труды исследователей, активно оперирующих материалом большой истории. К их числу относится обширный историко-правовой труд Бориса Чичерина «Курс государственной науки» (1894), где вводится понятие «средние классы». Более того, оно представлено в целом ряде ключевых проектных контекстов: «посредствующим

¹³ Чернышевский Н.Г. Капитал и труд // Чернышевский Н.Г. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1987. С. 37.

¹⁴ Ленин В. Развитие капитализма в России // Ленин В. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1971. С. 382, 547, 505.

звеном между богатыми и бедными может быть только средний класс», «за редкими исключениями, научное и литературное движение исходит от средних классов», «средние классы... не имеют ни времени, ни охоты посвящать себя общественной деятельности», при этом «преимущественно перед всеми другими, являются представителями общего права»¹⁵. Особенность текста состоит в том, что в общей историософской схеме, предложенной на его страницах, не проводится различий между обществами и географическими регионами, т.е. дана история человечества. При этом в культурных и политических отсылках неизменно доминируют имена европейских деятелей, что по умолчанию сообщает истории мира очевидный европоцентризм. Сходная логика характерна уже для более ранних исторических работ. В трудах Николая Устрялова (1837–1841), Тимофея Грановского (1849–1850), где вводятся «средние классы», история России помещена в контекст европейской истории. И именно в этой сравнительной перспективе новое понятие получает смысл, прямо отсылая к эталонной структуре европейских обществ¹⁶.

В плотно насыщенном социальными категориями исследовании «Экономический строй России» исторического социолога Максима Ковалевского (1900)¹⁷ мы обнаруживаем целую серию социальных понятий, отношения и соответствия между которыми, впрочем, не прояснены: «низшие классы», «ремесленники», «буржуазия», «крестьяне», «сельская буржуазия», «крупная городская буржуазия», «капиталисты», «дворяне», «духовенство», «промышленный и торговый класс», «торговое сословие», «коммерсанты», «предприниматели», «рабочие», «мещане», «мелкое сословие» и даже «сельское и городское среднее сословие» или просто «среднее сословие». Последнее контекстуально наиболее близко к «среднему классу»: слой собственников, не принадлежащий ни к дворянству или духовенству, ни к «низшим классам». Однако именно в этом тексте понятие не получает никакого проектного смысла, т.е. не связывается с прогрессом,

¹⁵ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Т. I–III. М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1894. Т. II. Кн. 3. Гл. VI «Общественные классы».

¹⁶ Леонтьева О. Понятие «класс» в российской мысли XIX — начала XX века // «Понятия о России»... С. 303–304. Например, у Грановского «средний класс» — это купечество и флорентийские банкиры.

¹⁷ Этот текст тогда же переведен с французского.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

демократией и т.д., и растворяется в череде синонимов и замен. В другом труде Ковалевский использует «классы» и «сословия» как полные синонимы, в том числе когда говорит о «среднем» или «третьем»: «Что касается третьего сословия, состоявшего из городских и сельских обывателей, то оно пользовалось единственной привилегией — платить налоги, от которых высшие классы были освобождены»¹⁸. В целом сравнительные или историко-социальные работы историков, вероятно, играют кардинальную роль в переносе классовых моделей в российский публичный оборот. Однако даже если в таком переносе задействованы «средние классы», понятие сохраняет плотную связь с европейским миром и исчезает при устранении этой точки отсчета.

Таким образом, во всем корпусе текстов, не исключая марксистские, понятие «среднего класса» остается отчетливо *экстerrиториальным*. Оно фиксирует опыт европейского мира и четко маркирует границу между ним и Россией¹⁹. Учитывая показательное отсутствие у понятия какой-либо символической ценности, неразрывно связанное с его крайне спорадическим употреблением, мы можем сделать важный вывод. Даже в тех случаях, когда авторы пользуются, казалось бы, одним и тем же понятием «класс» применительно к обоим мирам, на каждый из них они проецируют принципиально разные социальные типологии. Очередной яркой иллюстрацией этому становится подробное исследование Василия Ключевского «История сословий в России» (1886), где «средний класс» отсутствует, а понятия «класс» и «сословие» используются как частично взаимозаменяемые: «Сословиями мы называем классы, на которые делится

¹⁸ Ковалевский М. Очерки по истории политических учреждений России / пер. с фр. А. Баумштейна под ред. Е. Смирнова. СПб.: Издание М. Лаголева, 1908. С. 39.

¹⁹ Для домарксистского периода этот вывод, возможно, будет справедлив и в отношении «классов» в целом, за некоторыми исключениями. В своем анализе Ольга Леонтьева демонстрирует, как понятие «класс» входит в интеллектуальный оборот русского XIX века, сохраняя высокую лабильность значений (Леонтьева О. Указ. соч. С. 10). При этом она не проводит последовательного различия контекстов: говорят ли историки, публицисты, философы о «классах» в Европе или в России. Некоторые детали цитируемых текстов заставляют думать, что, если «класс» используется как социальный, а не административно-юридический термин, у одних и тех же авторов он будет чаще встречаться в описании европейских реалий, нежели российских.

общество по правам и обязанностям»²⁰. Говоря о классах как о разрядах внутри сословий, Ключевский пользуется понятием как инструментом административной и научной, а не социальной в современном ему смысле типологии. По фискальному и политическому положению он выделяет «вооруженный класс», «служилый класс», «класс бояр», «класс приказчиков», «класс богадельных людей», «свободные классы» и т.д.

Ограничиваясь в своем анализе периодом до первой половины XVIII в., Ключевский оставляет шанс для более современных альтернатив. Возможно, в интеллектуальной и политической понятийной сетке конца XIX в. формируется непрямым словарный эквивалент «среднего класса»? Не выполняют ли эту функцию «разночинцы», «третье сословие», «средний слой» или даже «третий элемент», появляющийся в публичном обороте на рубеже веков?

Некоторые из этих альтернатив обладают отчетливым проектным потенциалом, но попадают в первую очередь не в сетку социальных и экономических делений, а в рамки явственно политических оппозиций. Это относится к «третьему элементу», который становится обозначением для наемных земских служащих, участвующих в местных учреждениях наряду с правительством и земством. Такая узкая и, казалось бы, техническая категория признается изобретателем понятия «большой политической опасностью для существующего государственного строя»²¹. Десятилетием позже отдельные авторы связывают с ним надежды на смену политического строя в пользу конституционного (Там же). «Среднее сословие», на первый взгляд, лучше всего подходит на роль понятия-проекта, эквивалентного «среднему

²⁰ Строго говоря, наряду с этим общим определением, открывающим текст, автор предлагает развернутое объяснение тому, как «экономические классы превращались в политические сословия». Иначе говоря, между «классами» и «сословиями» в большинстве случаев прослеживаются родо-видовые отношения. Мимходом Ключевский замечает: «С великими усилиями складывались и пробивались промежуточные классы, которые отрывали себе частички прав высшего сословия, платя за них частицами обязанностей низшего». Но в рамках исторической систематики эти «промежуточные» классы не получают никакого общего обозначения и проектного смысла, распавшись на ряд исторических категорий (все цитаты даны по: *Ключевский В.О. История сословий в России. Полный курс лекций.* Минск: Харвест, 2004).

²¹ *Колеров М., Плотноков Н. Примечания // Вехи. Из глубины.* М.: Правда, 1991. С. 531.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

классу». Однако его смысл далек от привычного нам, который формируется в результате нескольких переопределений. Историческая ирония заключается уже в том, что иллюзорна сама традиционность сословного строя в России. Понятие «сословия», термина церковного происхождения, спроецированного на все общество, становится таким же новшеством для второй половины русского XVIII века, как «классы» — для второй половины XIX. В своем исследовании Ингрид Ширле показывает, что до 1760-х годов в России «сословий» попросту не существует, а социальные категории за пределами полюсов двухчастной модели недооформленны и очень подвижны. Изобретение «сословий», или «родов», в терминологии государственного акта, которым они учреждаются, — это проектный ответ на «нехватку третьего сословия», которая дисквалифицирует Россию перед лицом европейских обществ в век Просвещения²². В подобных обстоятельствах «третье сословие», безусловно, предстает ключевым понятием-проектом, хронологически углубляя ту перспективу, где даже в административной практике отсутствует устойчивая сетка социальных делений. Однако в проектном характере этого понятия предшествующего периода заключена и его проблематичность для последующего. В первую очередь оно отражает иерархию прав и привилегий при Старом порядке, нередко наследуемых. Тогда как понятие «класса» во второй половине XIX — начале XX в. отчетливо вписывается в один контекст с собственностью, личностью и политическим влиянием.

Менее официальный «средний слой» появляется в целом ряде контекстов этого периода, в том числе в примечаниях работы Ленина о развитии капитализма, где он поясняет его как «разночинцев, интеллигенцию» и квалифицирует следующим образом: «так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России»²³. Казалось бы, единый контекст

²² Ширле И. Третий чин или средний род: история поиска понятия и слов в XVIII веке // «Понятия о России»... Уже в дебатах XIX в. учреждение сословий государственным актом становится для некоторых интеллектуальных групп основой для противопоставления искусственных «сословий» естественным складывающимся «классам» (Леонтьева О. Указ. соч.). При этом те авторы, кто вносят решающий вклад в учреждение оппозиции между «сословиями» и «классами», как историк Александр Градовский, могут утверждать, что в современном им российском обществе (1875) классов нет (Там же. С. 313).

²³ Ленин В. Указ. соч. С. 488.

капитализма располагает высказывание к поиску соответствий между «средним слоем» разночинцев и европейским «средним классом» через экономическую и цивилизационную активность обоих. Однако, как и в «Вехах», оппозиция, полюс которой маркирует эта категория, в первую очередь — культурная и отчасти политическая. У Ленина она противопоставляется быту, «близкому к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с “добросовестным ребяческим развратом” “господ”»²⁴. У Чернышевского «средний класс», «средний слой» и «среднее сословие» — простые синонимы в указанном контексте разбора английской политэкономии. Во введении к «Экономическому строю России», адресованному французской публике, Ковалевский говорит о «деревенском третьем сословии, стоящем за частную собственность», чьему возникновению хотели бы воспрепятствовать «горячие защитники русского “мира” и периодических переделов»²⁵. Кажется, наконец, найдено искомое понятие-проект, которое контекстуально привязано к универсалии собственности, при этом будучи частью, во-первых, цивилизационной контрверсы, во-вторых, контекста глобального капитализма. Однако и это «сословие», которому лучше подходит квалификация класса, встроено автором в демонстрацию аналогии между современными ему российскими дебатами и европейской экономической мыслью XVI–XVII вв.

Остается ли «средний класс» призраком в пространстве русской публичной речи? Очевидно, что более точный поиск соответствий или разрывов с европейским словарем требует более детального исследования, начало которому уже положено. Но сейчас можно выдвинуть гипотезу, которая вряд ли будет всерьез поколеблена более тщательной проработкой текстов и контекстов русской социальной мысли XIX — начала XX в. Даже если в этом корпусе публичной речи в некоторый момент появляется «третий элемент», наделенный всеми признаками социальной категории-проекта, такой, например, как «интеллигенция», вся понятийная сетка и система оппозиций, в которую она встроена, блокирует ее отождествление со смысловым ядром «среднего

²⁴ Ленин В. Указ. соч. С. 488.

²⁵ Ковалевский М. Экономический строй России / пер. с фр. СПб.: Издание А.В. Ермолаевой, 1900. С. 4.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

класса» европейских обществ. И господствующие реформистские, и более радикальные революционные ожидания оставляют «средний класс» по ту сторону европейской границы и описывают российское общество и проецируемые на него изменения по преимуществу либо в сословных терминах, либо, в случае осознанного разрыва с ними — в бинарных противопоставлениях «имущих» и «неимущих», «образованных» и «темных». Как понятие-проект, а зачастую и как простое словарное вхождение, «средний класс» почти не представлен в интеллектуальной и политической речи второй половины русского XIX века.

Это означает, что данный период не может быть горизонтом заимствования для российской политической риторики 1990-х годов, социологической литературы и школьных учебников, где прочно обосновывается «средний класс». Новый тип речи об обществе, который заполняет публичную сцену в момент отказа от советского проекта, отсылает к совсем иным понятийным образцам, нежели сословные схемы Старой Европы или культурно-этический конструкт «интеллигенции». Их во многом формируют перевод и популяризация англоязычных текстов 1950–1960-х годов, где «средний класс» определяется через объективную структуру занятости, образования и доходов. Но как тогда в эти по видимости нейтральные описательные модели проникают нормативные и проектные смыслы, подобные «функции стабилизатора»? Прояснить эту двойную конструкцию 1990-х позволяет обращение к длительной международной истории понятия, из которой в различных комбинациях заимствуются элементы, не всегда связанные между собой изначально²⁶. Особая роль принадлежит здесь французскому горизонту заимствований. Но в семантическом, как и в социальном измерении это совсем другая история.

²⁶ Формула Козеллека об аккумуляции «долгосрочно действующего опыта...», который воплотился в понятии» (*Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2006. С. 52*), которую он использует для иллюстрации данности, схваченной в понятии и регулирующей его использование, вполне применима и к самому полю понятия. За все время, пока понятие используется и имеет положительную социальную ценность, в этом поле аккумулируются смыслы и контекстуальные связи, которые могут быть реактивированы при повторных обращениях к понятию в поисках ресурсов описания, инструментов борьбы, источников легитимности и т.д.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ «СРЕДНЕГО КЛАССА»: СОБСТВЕННОСТЬ И УМЕРЕННОСТЬ²⁷

Некоторые элементы понятийного конструктора «среднего класса» вводятся уже более полутора веков назад, иные дополняют и переопределяют их в послевоенные десятилетия XX в. Сделав несколько широких хронологических шагов в обратном направлении, мы без труда локализуем контекст, в котором «средний класс» обретает первоначальный смысл: французский XIX век, озабоченный угрозой очередной революции. Одним из первых, кто обнаруживает существование «среднего класса» и его политических добродетелей, обязанных собственности, становится Алексис де Токвиль в своем знаменитом труде «Демократия в Америке» (1835–1840)²⁸. Как я уже указывал, некоторые исторические исследования возводят, если не сводят, категорию «среднего класса» к революционному «третьему сословию» Франции²⁹. Попытка установить преемственность, безусловно, не беспочвенна в исторической ретроспективе и может иметь своим посредующим звеном понятия, подобные «классу разночинцев»³⁰. Однако она полностью расходится со

²⁷ Я благодарен Дому наук о человеке (Париж), стипендия которого позволила осуществить часть работы по этой теме и уточнить ее концептуальную модель.

²⁸ Во французском оригинальном тексте Токвиль чаще употребляет понятие «класс» во множественном числе, среди прочего говоря о «средних классах» (отличие от русского перевода), что отвечает французской до- и немарксистской традиции использования классовых категорий.

²⁹ Эту традицию продолжает упомянутое исследование Михаила Велижева, который указывает на прямую генетическую связь между двумя понятиями поначалу во французских источниках, а затем и в их ранней российской рецепции (Велижев М. Указ. соч.). Можно утверждать, что такая генеалогия во многом обязана эффекту обратной перспективы: прочтению французских текстов через призму консервативных российских. Как мы увидим далее, уже в середине XIX в. отождествление «среднего класса» с «третьим сословием» архаично и характерно в большей мере для сторонников монархии, к каковым не относились ни Токвиль, ни большинство французских авторов, использующих понятие «средние классы».

³⁰ См.: Piquet M.-F. Classe. Histoire du mot et genèse du concept. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1996. P. 19. Почти за полвека до Революции, в «Энциклопедии» 1756 г. и в ряде других источников понятия «третье сословие» (Tiers-Etat) и «класс разночинцев», а также более широких социальных «сословий» (ordres) и «классов», могут фигурировать как взаимозаменяемые. Однако это не относится к «среднему» или «средин-

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

схемой конструирования самой категории в текстах XIX в., в отличие от только что рассмотренного русского XIX века. Труды Токвиля и более поздних авторов часто содержат отчетливое противопоставление между обществом, которое включает растущий «средний класс», и сословным порядком Старого Света. Иначе говоря, понятие «средний класс» в речи целого ряда французских политических мыслителей отмечает не политическую или социальную преемственность, а разрыв, причем разрыв двойной: с монархическим режимом, с одной стороны, и с революционным настроением (третьего сословия) — с другой. Этот разрыв становится первым элементом смысловой конструкции нового *понятия-проекта*.

В момент написания текста Токвилем режим демократии, как и само понятие, все еще предстает политической новинкой во Франции. Не меньшей неожиданностью оказывается общественное устройство, в котором «нет более расы бедняков... и расы богачей; люди ежедневно выбиваются из гущи народных масс и беспрестанно туда же возвращаются»³¹. Токвиль проводит блестящий сеанс показательного сравнения двух социальных порядков, вместе с образом трудолюбивой Аркадии вводя в оборот новые нормативные универсалии. В обществе без жесткого разделения на господ и слуг обширный средний класс отличает «упорное и цепкое чувство собственности» людей, «живущих в приятном достатке, равно далеком как от роскоши, так и от нищеты». Именно потому «в демократических обществах большинству граждан представляется не вполне ясным, что они могли бы приобрести в результате революции, но они ежеминутно так или иначе осознают, чего они могут из-за нее лишиться». Указывая на прямую связь между социальным спокойствием и численностью класса средних собственников, Токвиль прямо противопоставляет широкую гражданскую солидарность в Соединенных Штатах узкой внутрикорпоративной солидарности в европейских обществах, приглашая своего

ному классу» (*classe mitoyenne*), который появляется во французской политической публицике лишь в начале XIX в. (*Portis L. Les classes sociales en France. Un débat inachevé (1789–1989)*. P.: Les Editions Ouvrières, 1988. P. 23).

³¹ Токвиль де А. Демократия в Америке / пер. с фр. В.Т. Олейника, Е.П. Орловой, И.А. Малаховой, И.Э. Иванян, Б.Н. Ворожцова. М.: Прогресс, 1992. С. 459, 460, 416.

французского читателя распространить «сказанное... об одном классе на весь народ в целом», чтобы оценить преимущества демократии среднего класса³².

В истории европейских дебатов невозможно обойти стороной английский контекст понятия. Из исследования Вармана Дрора следует, что и в британских интеллектуальных и политических дебатах «средний класс» получает новое звучание и возросшую символическую ценность именно при обсуждении итогов Французской революции. Причем происходит это раньше, чем в самой Франции, а именно, в течение двух-трех лет после 1789 г.³³ Английские авторы 1790-х годов занимают позицию в споре о причинах Французской революции в зависимости от своей политической чувствительности. В силу этого пространство высказываний содержит полярные оценки роли «среднего класса»: от указаний на то, что именно он стал виновником разрушения порядка (Эдмунд Берк), до сожалений, с которыми перекликается более поздний тезис Токвиля, о том, что причиной революции было отсутствие во Франции среднего класса, посредующего между «богатыми и бедными»³⁴. В дискуссиях, проходящих в Британии 1790-х, как и позже во Франции, мы находим близкие указания на особую добродетельность среднего класса и средних сословий. Однако в отличие от французской риторики сдерживания революции, в английской прогрессистски настроенные авторы делают упор на стремление к свободе и *противодействию тирании*, которые возможны благодаря «об-

³² Историческая фикция единого «гражданского сословия» вводится в интеллектуальный и политический оборот Франции за несколько десятилетий до Революции и усилиями историков-«романистов», которые указывают на позднее формирование знати у франков, происходящее путем узурпации. В 1734 г., в знаменитом труде «Критическое исследование истории установления французской монархии в Галлии», Жан Батист Дюбо утверждает: «[Изначально] все франки образовывали не что иное, как одно и единственное сословие граждан» (цит. по: *Piguet M.-F. Classe. Histoire du mot et genèse du concept*. P. 25). Однако этот элемент смыслового конструктора, доступного Токвилю, все еще крайне далек от того экономического и политического смысла, которым автор «Демократии в Америке» наделяет «средние классы», обнаруженные им не в утопическом прошлом французской истории, а в не менее утопическом настоящем соседнего континента.

³³ *Dror W. Imagining the Middle Class: The Political Representation of Class in Britain*. С. 1780–1840. N.Y.: Cambridge University Press, 1995.

³⁴ *Токвиль А.* Указ. соч. С. 29, 50–52.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

разованности, достоинству, моральным принципам, правдивости» среднего класса, впрочем, без обращения к демократии как альтернативе тирании³⁵. Иными словами, введение «среднего класса» в контекст Французской революции получает различный смысл во Франции и Англии, по крайней мере, для отдельных фракций авторов. Во Франции это понятие наделяется ценностью в надежде на предотвращение крайности революционного катаклизма, в Англии ряд авторов делают то же самое, рассчитывая предотвратить другую крайность — деспотическую монополию.

Сходная с Токвилем логика обнаруживается тремя десятилетиями позже в контексте, который не отсылает напрямую ни к демократии, ни к среднему классу. Однако он так же прочно связывает малую и среднюю собственность с будущим общества, движущегося по пути свободы и процветания. Такую формулу предлагает один из ключевых исторических деятелей, утверждающих республиканское правление во Франции. В 1874 г. Леон

³⁵ При всем содержательном интересе, который представляет работа Дрора, она остается проблематичной в свете интересующей меня лексической генеалогии понятия. Рассматривая как полные синонимы «средний класс», «средние чины» (*middle ranks*), «третье сословие», «буржуазию» и «джентри», где «средние» важнее всего прочего (р. 15), Дрор анализирует как единый корпус тексты, в которых вводится хотя бы одна из этих категорий. Для него это оправдано как удобством сопоставлений между Англией и Францией, так и тем неявным допущением, что при переходе от одного словарного термина к другому не меняется их референт. При этом во введении к книге он сам указывает, что в английских дискуссиях 1790-х годов ясный социальный референт за понятием «средний класс» не закреплен, и речь идет, скорее, о комплексе политических и моральных импликаций. Далее я покажу, что во Франции понятия этого семантического кластера не имеют единого референта. Это так в случае французских «средних классов» и «третьего сословия». Но это справедливо и в отношении французской «буржуазии» и английского «gentry», которые к тому же имеют более определенный социальный смысл, нежели проектные «средние классы» в обоих обществах. Если к этому прибавить позднейшие французские попытки обратного социального перевода катализированного Французской революцией английского «среднего класса» (см., напр.: *Nisard D. Les classes moyennes en Angleterre et la bourgeoisie en France*. P.: Michel-Lévy frères, 1850), картина усложняется еще больше. При том значении, которое в оценке Революции и в дебатах о социальном мире могут приобретать смысловые оттенки, история взаимного словарного перевода с французского на английский и обратно представляется заслуживающей отдельного содержательного исследования.

Гамбетта провозглашает: «Любая собственность, что создается — это гражданин, который рождается. Ибо собственность, которую нам представляют как врага, в наших глазах — это высший и подготовительный знак моральной и материальной эмансипации индивида»³⁶. В республиканской традиции Франции эта линия отнюдь не маргинальна. Почти веком ранее Конституционная ассамблея включает право собственности в список прав человека, а Сент-Жюст объявляет: «Собственность патриотов священна»³⁷. И хотя в данном случае не собственность определяет гражданина, а гражданин — собственность, Гамбетта лишь обращает этот революционный республиканизм вспять, придавая ему мирную форму: собственность делает гражданина возможным. Крайне соблазнительно видеть прямое структурное соответствие между двумя словарями, предложенными в двух различных политических контекстах — «демократия — средний класс» и «республика — гражданин-собственник». Вероятно, более основательный анализ неразрывно интеллектуальной и политической истории Франции позволит обнаружить те связи и посредующие звенья, которые делают это соответствие неслучайным. Уже при точечных сопоставлениях можно обнаружить некоторые смысловые параллели поверх политических расхождений.

Так, почти одновременно с публикацией «Демократии в Америке» появляются тексты, посвященные средним классам в самой Франции. К их числу относится книга Эдуарда Аллеца «О новой демократии, или о нравах и могуществе средних классов во Франции»³⁸. Последние признаются современным явлением, «поскольку в Античности эти самые классы не существовали. Сыны науки и труда, они родились вчера и приведут в мир новую форму правления — ту, что я называю новой демократией

³⁶ «A chaque propriété qui se crée, c'est un citoyen qui se forme». Цит. по: Goodliffe G. *The Resurgence of the Radical Right in France: From Boulangisme to the Front National*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 70. Я благодарен Даниель Тартаковски за указание на этот важный тезис Гамбетта.

³⁷ Кастель Р. *Метаморфозы социального вопроса: Хроники наемного труда* / пер. с фр. Н. Шматко, О. Кирчик, Ю. Марковой под ред. Н. Шматко. СПб.; М.: Алетейя; ИЭС, 2009. С. 348–349.

³⁸ Alletz E. *De la démocratie nouvelle, ou des mœurs et de la puissance des classes moyennes en France*. P.: Imprimerie de Pommeret et Moreau, 1837.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

или, еще лучше, поликратией [правлением множества]³⁹. Здесь «средние классы» также маркируют разрыв между двумя историческими эпохами. Однако попытка говорить о современном автору явлении, парадоксальным образом и в отличие от Токвиля, замыкается не на опыт социальных неравенств и императив их смягчения, а на сословные категории Старого порядка, где «средний класс» прямо отождествляется с «третьим сословием»: «Существование и величие у разных наций этого сословия, которое зовется третьим и которое, примыкая к аристократии в просвещенности и богатстве, к демократии — по рождению и численности, достаточно сильны, чтобы заместить первую и удовлетворить вторую»⁴⁰. Объяснение этому — политическая позиция автора. В противоположность Гамбетта, который видит в средней частной собственности инструмент освобождения индивида и утверждение Республики, Аллец усматривает в ней же опору для монархии. Однако политическое расхождение не опровергает логики двойного разрыва, ведущего к стабильности: в обоих случаях средний собственник признается опорой режима, не расположенной к его революционной дезорганизации.

И все же новаторские политические и социальные понятия, которые мы встречаем у Токвиля, наиболее последовательно переносятся на местные реалии не там, где индивидуальная свобода гражданина усматривается в его обеспеченности, как и не там, где таковая призвана благоприятствовать реставрации короны, а там, где она снова сталкивается с соблазнами и угрозами дестабилизации порядка — на сей раз со стороны социализма и анархизма. В одной из брошюр, посвященной вопросу

³⁹ Ibid. P. X. Критикуя традиционную «старую демократию», автор при этом характеризует «новую демократию» как ограниченную «до той степени, в которой она становится совместимой с королевской властью» (Ibid.).

⁴⁰ Ibid. P. IX. 43–44. Схожим образом «средний класс» определяется в другой книге, опубликованной годом позже: *Ledoyen J. De l'Éducation politique des Français, pour la classe moyenne*. P.: Imprimerie de Félix Malteste et Cie, 1838. Или в речах Франсуа Гизо, произнесенных в Палате депутатов в 1837 г., где «средние классы» отождествляются с буржуазией, морально отличной от «прежней буржуазии, этого среднего класса трехсотлетней давности», но также определяемой через ее отношение к аристократии (опубликованы в приложении к книге: *Alletz E. De la démocratie nouvelle...*).

средних классов и демократии во Франции (1868), анонимный автор определяет средние классы как слой рабочих, расположенный между двумя крайностями: высшим слоем рабочих-идеологов социализма и низшим слоем «невежественной и грубой черни... бессознательного врага прогресса и свободы труда, не признающей иного закона, кроме силы. Варварский элемент, который, как хотелось бы верить, растворился в современной цивилизации, если [недавние] события... не являли бы его вечно готовым к повторному участию в промышленных кризисах или уличных беспорядках»⁴¹. Между двумя крайностями, каждая из которых по-своему разрушительна, средний класс наделяется такими восхваляемыми чертами, как «наиболее рассудительный, сильнее прочих привязанный к своим обязанностям, обзаводящийся семьей и намеренный экономить, безразличный к политическим вопросам, которые не затрагивают напрямую его интересов... В конечном счете, порядочное население, которое завоевывается добрым примером» (Ibid.). Такая конструкция имеет осязаемые сходства с доктриной «золотой середины» (*juste milieu*) начала 1830-х годов, только избавленной от монархической апологетики.

В тот момент «демократия» все еще предстает спорным понятием для целого ряда могущественных политических фракций, и автор берет на себя задачу доказать, что этот режим не следует отождествлять с простым «подавлением просвещенных классов грубой силой численности»⁴². Надежду на созидательную роль демократии, с характерным для нее расширением круга участия в общественных приобретениях, он связывает, помимо прочего, с «постепенным исчезновением пролетариата, этой последней разновидности крепостничества» и «браком по расчету между

⁴¹ Les classes moyennes dans la démocratie moderne, des causes qui menacent leur influence, des conditions qui peuvent la maintenir. P.: Guillaumin et Cie, 1868. P. 6–8.

⁴² Та же характеристика 30 годами ранее служит определяющим признаком «старой демократии» у Аллеца, который в своем труде подвергает таковую сомнению и критике. К слову, в данном случае, как и в ряде других, «демократия» означает не только политический режим, но и низшие социальные классы на подъеме, т.е. отдаленный синоним «демоса». Эта мерцающая между политическим и социальным полюсами семантика важна для понимания того, какое сопротивление понятие могло вызывать у наиболее традиционных и консервативных политических фракций.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

буржуазией и народом». При этом, напоминает автор, «не позволим себе забыть, что демократия должна иметь иную цель, нежели заместить деспотизм верхов тиранией низов, и что над верховенством народа есть верховенство разума, справедливости и права»⁴³.

Более нам привычную и исторически устойчивую генеалогию «средних классов» предлагает в тот же период прямой политический оппонент анонимного автора: исследователь, анархист и парламентарий Пьер Жозеф Прудон. В одном из последних сочинений, опубликованном сразу после его смерти и посвященном рабочему классу (1865), Прудон связывает средний класс с идеалом единой гражданской нации, который сближается с картиной американского общества у Токвиля: «Что в первую очередь отличало французскую нацию по выходе из горнила Революции и что делало ее на протяжении почти полувека образцовой нацией — это тот дух равенства, то стремление к уравниванию, которые, казалось еще недавно, растворят всю капиталистическую аристократию и всех наемных тружеников в едином классе, который мы со всей справедливостью назвали средним классом»⁴⁴. Как и у Аллеца, рождение «среднего класса» здесь датировано новой эпохой. Так же как анонимный автор, Прудон находит, что для «рабочей демократии и среднего класса их спасение — в их альянсе». Противопоставляя этот идеал усилению «капиталистической и промышленной верхушки [féodalité]» и ряду экономических сдвигов, в результате которых средний класс был «в конечном счете замещен бюрократией, высшей буржуазией и наемными тружениками», Прудон констатирует «упадок среднего класса»⁴⁵, как если бы этот класс уже существовал во французском обществе середины XIX в.

Тут мы без труда обнаруживаем противоречие между Токвилем, который не наблюдает средних классов в Европе своего времени, и Прудоном, который четверть века спустя признает время Токвиля периодом расцвета французского среднего класса. Эмпирическая двусмысленность этой категории, которую Токвиль связывает с лучшим будущим Франции и которая у

⁴³ Les classes moyennes... P. 9, 10.

⁴⁴ Proudhon P.-J. De la Capacité politique des classes ouvrières / ed. par G. Chaudey. P.: Libraire-Editeur E. Dentu, 1865. P. 224–225.

⁴⁵ Ibid. P. 260.

Прудона, «казалось», обрела реальность, но так ее и не обрела, указывает на ее характер понятия-проекта во французском XIX веке. Нормативность высказывания Прудона подкрепляется целым рядом свойств текста, включая парафизическую метафорику «среднего», в данном случае применимую к человеческим возможностям, но часто встречающуюся в позднейшей апологии среднего класса: «Как и в термометре, и для разума, и для силы, у нас имеются крайние значения и среднее»⁴⁶. В целом при всех политических расхождениях французские авторы 1860-х годов сходятся в нормативном определении среднего класса как категории, способной воплотить в себе преимущества общественного прогресса.

Что не менее любопытно, признание инструментального характера демократии среднего класса в утверждении прогресса, верховенства права, «брака по расчету» между антагонистическими социальными силами, который развитие демократических институций ведет к «исцелению от невежества, нищеты и деморализации неимущих классов»⁴⁷, обнаруживает удивительное созвучие с куда более поздними, в частности, российскими образцами социальной риторики. Последняя предписывает образованным классам с растущим благосостоянием «исполнить важнейшую для обеспечения прогрессивного развития функцию социального стабилизатора, смягчающего силовые действия классов-оппонентов, препятствующего лобовым столкновениям их политических представителей»⁴⁸. Более чем веком позже политическая умеренность среднего класса во влиятельной публикации политолога Владимира Пантина (Умова) наделяется автором той же ценностью перед лицом опасных крайностей, которую мы находим у французского анонима 1860-х: «Он не приемлет и никогда не согласится с приоритетом каких-либо целей, направленных на удовлетворение классовых — буржуазных или рабочих — интересов; в этом смысле он скорее ориентируется на интересы нации-государства. Средний класс поддерживает либерализм, он содействует модернизаторской линии, причем, будучи прогрессистом по натуре, отвергает эгалитаризм и разумно относится к трудовому вкладу, ценности и

⁴⁶ Proudhon P.-J. Op. cit. P. 123.

⁴⁷ Les classes moyennes... P. 20.

⁴⁸ Умов В.И. (Пантин В.И.) Указ. соч. С. 29.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

компетенции каждого индивида»⁴⁹. Это те элементы понятийного конструктора, которые присутствуют в семантическом поле французского понятия XIX в. и реактивируются при повторном обращении к нему в совсем ином политическом контексте.

Между этими двумя типами высказывания: французским конца 1860-х (и даже токвилевским 1840 г.) и российским начала 1990-х — отсутствует прямая генетическая связь⁵⁰. Более уместно говорить о сходстве способов определять ключевое понятие при структурном сходстве условий, в которых формируется нормативное высказывание. Когда искомая категория еще отсутствует в общепринятой сетке социальных делений, при описании среднего класса доминирует нормативный универсалистский язык *гармонизации* общественного целого — язык, носителем которого поначалу выступает образованный политический истеблишмент в предреспубликанской Франции и академический истеблишмент в послесоветской России. Однако проектная речь о несуществующей (в национальном контексте) универсалии воспроизводится лишь до момента, пока ее референтом служит желательное будущее. В период, когда проект обретает реальность, характер публичного высказывания о нем кардинально меняется.

Это хорошо демонстрирует последующая политическая история Франции, где в 1920–1930-х годах универсалистский словарь гармонической миссии средних классов сменяется партикуляристским словарем их *кризиса*. Мотивы «упадка среднего класса», угрозы его пролетаризации, в ряду прочих озвученные еще Пруденом, и даже его уничтожения становятся здесь центральными. Это происходит, когда умозрительная социальная конструкция, используемая в интеллектуальных проектах, уступает место политически мобилизованной группе, публично и широко выступающей от собственного имени. Ее предста-

⁴⁹ Там же. С. 28.

⁵⁰ Отсылки к Токвилю фигурируют в более поздних российских апологиях демократии собственников, однако автор цитируемой статьи на него не ссылается, хотя, по его воспоминанию, к тому времени он знаком с «Демократией в Америке» (из переписки с автором, 21.11.2013). Для обоснования стабилизирующей функции среднего класса в статье он прибегает к авторитету Арнольда Тойнби, Макса Вебера, Толкотта Парсонса, Сеймура Липсета, Джорджа Оруэлла и даже Пьера Бурдьё. Из российских авторов он впоследствии выделяет как важных для него в тот период Юрия Леваду и Игоря Клямкина (из переписки).

вители, прямо утверждающие свою принадлежность к средним классам, вовсе не пользуются риторикой «процветания» и говорят лишь о необходимой «защите средних классов»⁵¹. Причем сами они уже не принадлежат к высшему политическому и академическому истеблишменту. Это та самая «Франция лавочников, ремесленников, мелких земельных собственников», которая активно сопротивляется введению социальной защиты для наемных работников и реорганизации всей социальной структуры вокруг наемного труда⁵². В их речи, наряду с мотивами «кризиса среднего класса», мобилизация сопровождается открытой критикой той высокой символической ценности, которую государство присваивает «рабочему» под давлением профсоюзов наемных работников.

Оценить, кто на пике мобилизации 1930-х годов говорит о среднем классе и от его лица во Франции, можно несколькими способами⁵³. Один из наиболее простых заключается в том, чтобы обратиться к спискам представителей Всеобщей конфедерации профсоюзов средних классов, учрежденной в конце 1930-х и производящей наиболее заметные публичные высказывания по теме. В исполнительное бюро Конфедерации входят представители от профсоюзов сельскохозяйственников, ремесленников

⁵¹ Почти одновременно с Прудоном, т.е. задолго до 1920–1930-х, к схожему словарю, а также к критике централизации политической власти и финансового капитала, прибегают мелкие предприниматели и торговцы, которые уже в конце 1880-х создают Профсоюзную лигу защиты интересов труда, промышленности и коммерции, поначалу открыто симпатизирующую социализму (*Nord Ph. The Small Shopkeepers' Movement and Politics in France, 1888–1914 // Shopkeepers and Master Artisans in Nineteenth-Century Europe / ed. by G. Crossick, H.-G. Haupt. L.; N.Y.: Methuen, 1984*). Схожие формы мобилизации и кризисной публичной речи можно также наблюдать в Англии, Германии, Бельгии (*Crossick G. Shopkeepers and the State in Britain, 1870–1914 // Ibid.*).

⁵² *Кастель П.* Указ. соч. С. 359.

⁵³ Обращение к целому ряду исторических исследований, посвященных политической истории средних классов во Франции, представляет собой один из таких способов. См., напр.: *Berstein S. Histoire du Parti radical. 2 vols. P.: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1980, 1982; L'Univers politique des classes moyennes / sous la dir. de G. Lavau, G. Grunberg, N. Mayer. P.: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1983; Ruhlmann J. Ni bourgeois ni prolétaires: la défense des classes moyennes en France au XXe siècle. P.: Seuil, 2001; Histoire des mouvements sociaux en France: de 1814 à nos jours / sous la dir. de M. Pigenet, D. Tartakowsky. P.: La Découverte, 2012.*

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

(таксисты), управленцев, торговли (мясники), малой и средней промышленности (производители и распространители газа и электричества), либеральных профессий (медики)⁵⁴. Рамочные категории «труд» и «капитал», как и тезис об их глобальном столкновении, сохраняются в публичной речи, производимой этим органом. Однако свое определение средний класс, как и его беды, получают через куда более материальные понятия-посредники, такие как «покупательная способность», «доходы», «сбережения», «профессия», «закупочные цены» или «пролетаризация», «инфляция» (Ibid.).

Новый тип публичной речи содержит важный элемент, который отсутствует в более ранних моделях высказывания. Это прямая адресация средних классов к государству, на которое политические представители из Конфедерации возлагают ответственность за проблемы, такие как губительные налоги, инфляция или цены на зерно, но также надежду на разумную политику поддержания средних классов, в частности, снижение налогового бремени. Исторически «средние классы» становятся предметом интереса отдельных фракций государственных администраторов и целых регионов уже на рубеже веков. Среди прочего, работа по конструированию этой категории происходит в рамках международных конгрессов, первый из которых проходит в бельгийском городе Льеже в 1903 г.⁵⁵ Конгрессы проводятся под эгидой Международного института изучения проблем средних классов, со штаб-квартирой в Брюсселе, который не имеет государственного или межгосударственного статуса. Однако в их работе и связанной с Институтом Ассоциации защиты средних классов (учреждена в 1907 г.) принимают участие

⁵⁴ Déclaration confédérale sur le syndicalisme des classes moyennes. P.: Confédération générale des syndicats des classes moyennes, 1938.

⁵⁵ Следующие три Международных конгресса средних классов проходят в Вене (1908), Мюнхене (1911) и Париже (1924). Эти конгрессы становятся продолжением Международных конгрессов малой буржуазии, первый из которых проводится в бельгийском Антверпене уже в 1899 г. (*Le Bégues G. Prélude à un syndicalisme bourgeois. L'association de défense des classes moyennes (1907–1939) // Vingtième Siècle. Revue d'histoire.* 1993. No. 37 (janvier-mars). P. 94). В целом превращение «малой буржуазии» в «средние классы» на протяжении первой трети XX в. происходит не только в ограниченной зоне международных контактов, но и на публичной сцене ряда европейских обществ, к числу которых относится Франция.

министры, региональные чиновники и депутаты разных стран, выступая в стратегическом альянсе с предпринимателями и исследователями по вопросам налогообложения, в частности, пропаганды опасности прогрессивного налога⁵⁶, торговли, образования и т.д. О важном значении, которое конгрессам придают принимающие их регионы, позволяют судить обширные списки приветственных выступлений, которые адресуют участникам высшие городские и государственные администраторы. Со своей стороны участники конгрессов могут прямо адресовать государству призывы «создавать и развивать в торговле, промышленности и сельском хозяйстве независимые и здоровые средние классы»⁵⁷.

Но практический диалог с государственными органами начинается, когда «средние классы» превращаются из кабинетной категории, или класса на бумаге, пользуясь термином Пьера Бурдьё, в реальность, заявляющую о себе в боевом листке и на страницах широкой прессы, в парламентском лобби и иных формах политической мобилизации, вплоть до уличных шествий. Пик мобилизации приходится на период, когда в ответ на неблагоприятную экономическую, в частности налоговую, конъюнктуру активизируются ранее созданные ассоциации и учреждается упомянутая Всеобщая конфедерация. Социологический анализ, который следует за этим пиком, с одной стороны, утверждает трансисторическое и транснациональное существование средних классов⁵⁸, с другой — очевидную «всем» проблему их текущего положения, корни которой подвергнуты разбору⁵⁹. Интеллектуальная характеристика роли и функций среднего класса, которая не предшествует его политическому оформлению, а следует за ним, во многом перехватывает кризисную самодиагностику его политических представителей, одновременно с тем заостряя вопрос о строгих критериях и ясных, вплоть до стати-

⁵⁶ *Le Béguet G.* Op. cit. P. 94.

⁵⁷ *Dr. Kerschensteiner.* L'Enseignement dans ces rapports avec le problème des classes moyennes // IIIe Congrès international des classes moyennes, Munich 1911. München, 1912. P. 28.

⁵⁸ Так, наряду с историческими иллюстрациями и неизменными отсылками к Аристотелю, в сборник (см. след. сн.) помещена статья о «средних классах в СССР».

⁵⁹ *Aron R., Halbwachs M. et al.* Inventaires III: Classes moyennes. P.: Librairie Félix Alcan, 1939.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

стических, границах в определении этой категории. Такой тип академического высказывания о среднем классе дополняет парадигму, намеченную его политическим самоописанием. Отныне речь идет не об общественных «силах» или «крайностях»⁶⁰, между которыми стиснут искомый класс, но о конгломерате профессиональных позиций, его месте в социальной структуре и национальной экономике. Все вместе это призвано очертить социальную группу, чье положение диктуется как отношениями с другими классами, так и *государственной политикой*.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ «СРЕДНЕГО КЛАССА»: ОТ СТАБИЛЬНОСТИ ДО ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ

Однако и такой способ конца 1930-х годов определять средний класс не транслируется напрямую в более поздние образцы нормативной и экспертной речи. Следующим ключевым моментом в конструировании этой универсалии становится ее изъятие из национальной истории прогресса и помещение в синхронную перспективу международных сравнений, центром которой служит *стабильность* демократического правления. Это происходит в период холодной войны и в значительной мере определяется политическим противостоянием двух систем. Неудивительно, что решающая роль в создании нового нормативного языка международных сравнений на сей раз принадлежит не французским политическим мыслителям, а американским экспертным центрам. Любой список стран, подлежащих сравнению и оценке, исходно разделяется на две категории — демократии и диктатуры — с различным числом промежуточных форм и вариаций. Именно в контексте политической поляризации режимов категория среднего класса обретает смысл, который, среди прочих, наследует российская «переходная» риторика 1990-х годов. По своим функциям в системе официальной речи эта категория, вероятно, представляет собой зеркальный инвариант «научного планирования» — понятия, которое регулярно используется как *differentia specifica* «социализма» в

⁶⁰ Автор эскиза программы социологического исследования средних классов прямо подвергает сомнению корректность традиционной риторической фигуры о положении средних классов «между крайностями» (*Mougin H. Un projet d'enquête sur les classes moyennes en France // Aron R., Halbwachs M. et al. Op. cit. P. 296–298*).

позднесоветской официальной риторике⁶¹. Иными словами, с рядом оговорок, научная организация общества так же отличает социализм от капитализма в советской риторике, как состоятельный средний класс — демократию от диктатуры в риторике американской. Во втором случае лишь воспроизведение образцов «устойчивых демократий», включая их социальную структуру, способно гарантировать развитие и процветание обществ. Определение прогресса XIX в., ассоциируемое с ростом участия в общественных приобретениях, не отменяется здесь окончательно. Новая сетка категорий «просто» превращает его в мировой политический процесс, где демократии вкупе с экономическим ростом присваивается собственная и высшая ценность.

Одним из первых развернутых высказываний, с которым вводится новая категориальная сетка, становится статья о социальных условиях демократии американского политолога и внимательного читателя Токвиля, Сеймура Мартина Липсета (1959)⁶². С момента публикации она удерживается в центре плотного кольца ссылок и интерпретаций, которое распространяется далеко за академические границы и определяет характер международного политического комментария в крупных СМИ. Ее ключевой тезис замыкает мировой успех демократии на устойчивый рост благосостояния и образования, который воплощен в образованном и благополучном среднем классе: «Недавние события, включая свержение ряда диктатур, во многом отражают последствия роста среднего класса, роста благосостояния и образования» (р. 102). Специфика текста со-

⁶¹ Этой теме посвящена отдельная глава данной книги: «Рождение государства “научно-технического прогресса”» (гл. V).

⁶² *Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // The American Political Science Review. 1959. No. 1.* (С незначительными сокращениями статья переведена на русский язык: *Липсет С.М. Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории. 1950–1960 гг. Сб. переводов / сост. и пер. В.Г. Николаев под ред. Д.В. Ефременко, Е.Ю. Мелешкиной. М.: ИНИОН РАН, 2012.*) К характеристике Липсета следует прибавить, что в политическом отношении он проделал эволюцию от троцкиста в юности до активного деятеля консервативного крыла Демократической партии США, одного из первых интеллектуалов, кто получил наименование «неоконсерватора» (*Martin D. Seymour Martin Lipset, Sociologist, Dies at 84 // New York Times. 2007. 4 January.*)

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

стоит в том, что формулы, известные нам по более поздним образцам нормативной риторики, предложены здесь в сопровождении фактических иллюстраций. Именно у Липсета мы находим тезис о стабилизирующей политической роли среднего класса: «Обширный средний класс играет смягчающую роль в обуздании конфликтов, поскольку он способен поощрять умеренные и демократические партии и наказывать [голосованием] экстремистские группы» (р. 83). В духе Токвиля «ценности среднего класса» отождествляются с универсальной национальной культурой, которой противостоит «замкнутая культура низшего класса» (Ibid.). А связь между благосостоянием и демократией вписывается в столь привычную нам сегодня геометрическую образность: «Увеличивающееся благосостояние... связано с демократией причинно-следственным отношением через... политическую роль среднего класса, поскольку меняет формулу социальной стратификации, которая смещается от вытянутой пирамиды, с низшим классом в виде широкого основания, к ромбу с растущим средним классом» (Ibid.)⁶³.

Статья, которая апеллирует к примеру десятков стран, становится одним из первых эталонов той доктрины, которая на протяжении следующих 20 лет доминирует в секторе международной экспертизы — теории модернизации⁶⁴. Операция *сравнения* в ее интеллектуальном и понятийном поле задает неустранимую связь между ранее независимыми темообразующими кате-

⁶³ В том, как далеко распространяется влияние этой схемы, можно убедиться, следуя самым свежим российским примерам, например, статье «Социальное неравенство» в русской Википедии. Ее авторы утверждают: «Ромбовидная структура является более предпочтительной по сравнению с пирамидальной, так как в первом случае многочисленный средний класс не позволит кучке бедняков устроить гражданскую войну. А во втором случае громадное большинство, состоящее из бедняков, может легко опрокинуть социальную систему, устроить гражданскую войну и бессмысленную бойню. Задача Российского общества состоит в том, чтобы перейти от треугольной фигуры неравенства, которая существует в России сегодня, к ромбовидной» (<ru.wikipedia.org/wiki/Социальное_неравенство>, последний доступ 23.05.2013).

⁶⁴ На русском языке обзор и критику теорий модернизации см., напр.: Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998; Ефременко Д.В., Мелешикина Е.Ю. Теория модернизации 1950–1960-х годов: современность классики. Вводная статья // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории...

горящими: политического *прогресса* (развития), торжествующей *Современности* и парламентской *демократии*. Предлагаемая во множестве версий и вариантов, эта доктрина не ограничивается университетскими журналами и монографиями: она весомо представлена в стенах международных институций, включая финансовые, которые занимаются продвижением демократии в мире. Через серию публичных событий, программ, стипендий они содействуют активному трансферу академических разработок в ведущие СМИ. Вплоть до сегодняшнего дня такие центры влияния могут придерживаться того тезиса, что внешняя политика, направленная на продвижение и поддержание среднего класса в мире, куда более действенна для долговременной безопасности и процветания США, чем масштабное военное присутствие страны на международной сцене⁶⁵.

При этом будет большим преувеличением утверждать, что категория среднего класса служит неизменным центром речи, производимой различными экспертными центрами на протяжении всей этой экспансии. Скорее, можно наблюдать обратное: данная социальная категория относительно легко смещается к периферии «модернизационной» понятийной сетки, никогда не теряя связи с «собственностью» или «рынком», но уступая место нераздельно более абстрактным и символически весомым понятиям экспертного словаря, подобным «легитимности», «устойчивому росту», «политическим элитам» и ряду подобных. Именно они доминируют в схемах демократического транзита, которые впоследствии вводятся международными институциями и местными экспертами в публичный оборот самых разных «переходных» обществ, включая Россию начала 1990-х годов. Так, понятийную структуру своего рода «транзитологической библии» Линца и Степана, которая чуть позже резюмирует успехи и неудачи перехода к демократии в мире, составляют такие категории, как «рынок», «суверенное государство», «государственный аппарат», «бюрократические нормы», «гражданское общество», «свобода мнений», «верховенство закона», «электоральное состязание», даже «территории» и этни-

⁶⁵ López A.R., Weinstein B. Introduction. We Shall Be All: Toward a Transnational History of the Middle Class // *The Making of the Middle Class: Toward a Transnational History* / ed. by A.R. López, B. Weinstein. Durham; L.: Duke University Press, 2012. P. 2.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

чески определяемые «нации»⁶⁶. «Средний класс» в этом списке параметров попросту отсутствует.

Схожий принцип определяет структуру экспертных докладов, выпускаемых Центром ОЭСР по сотрудничеству со странами с переходной экономикой. Они могут значительно различаться от региона к региону по своему понятийному словарю, при этом социальные категории в них отнюдь не доминируют, и в большинстве случаев категория «среднего класса» игнорируется. «Экономический обзор» 1995 г. по России вводит такие социально релевантные темы, как экономическая политика, развитие рынков, мобильность рынка труда, уровень жизни и социальная защита⁶⁷. Но аналитические и статистические операции производятся здесь над категориями «населения» в целом, «секторами» занятости или географическими «регионами», напоминая этим позднесоветские классификаторы социальной структуры. «Средний класс», который в образцовых высказываниях, подобных работам Липсета, Баррингтона Мура⁶⁸ и ряда более поздних авторов, может признаваться мотором модернизационного сдвига, не упоминается вовсе. Немногочисленные доклады ОЭСР, которые полностью посвящены роли «среднего класса» в экономическом развитии, — это куда более позднее исследование «глобального среднего класса» в развивающихся странах (2010) или отчет о Латинской Америке как «регионе средних классов» (2011)⁶⁹. Следует отметить, что именно 2000-е и начало 2010-х становятся периодом активной публичной эксплуатации темы «среднего класса» как глобального феномена международными экспертными центрами: наряду с ОЭСР к их числу относятся Всемирный банк, ООН, Фонд Карнеги и ряд других⁷⁰.

⁶⁶ Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore; L.: Johns Hopkins University Press, 1996.

⁶⁷ Экономические обзоры ОЭСР. Российская федерация. П.; М.: Организация экономического сотрудничества и развития, 1995.

⁶⁸ Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. N.Y.: Beacon Press, 1966.

⁶⁹ Kharas H. The Emerging Middle Class in Developing Countries. P.: OECD, 2010; Perspectives économiques de l'Amérique latine 2011. Une région des classes moyennes? Éditions OCDE, 2011.

⁷⁰ См., в частн.: Annual World Bank Conference on Development Economics 2000 / ed. by B. Pleskovic, N. Stern. Washington: The World Bank, 2001;

Впрочем, в международной конъюнктуре 1990-х годов имеются заметные исключения. Понятие «средний класс» не занимает здесь центр проектной активности, однако входит в кодифицированную официальную речь межгосударственных соглашений, где наделяется высокой символической ценностью. Важнейшим гравитационным центром, который выполняет одновременно осязаемую экономическую и символическую функцию в российском «переходе» 1990-х, выступают административные структуры «единой Европы». Европейский союз, который сам предстает материализованным понятием-проектом, к началу этого периода далеким от завершенной формы, по мере своей институциональной реализации действует как крайне активный агент влияния. Уже в 1990 г. евроинституты открывают программу поддержки рыночных преобразований в СССР, а в 1991 г. переучреждают ее как TACIS — программу «технической помощи» России и странам бывшего Советского Союза. В рамках программы финансируются институциональные реформы по «укоренению демократии и рыночной экономики»⁷¹. Формы активности амбициозно разнородны: от корректив модели государственного управления и переподготовки сотрудников Сбербанка до открытия нескольких экспериментальных пекарен вдалеке от столиц. Участие инстанций Европейского союза не ограничивается редизайном государственного аппарата и поддержкой пилотных экономических проектов. Одно из главных направлений — это европейская унификация категориальных систем СНГ: законодательства, национальной статистики, систем измерения. Эффекты влияния распространяются и за

Доклад о росте. Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития. Комиссия по росту и развитию Всемирного банка. М.: Весь Мир, 2009; *Senauer B., Goetz L.* The Growing Middle Class in Developing Countries and the Market for High-Value Food Products. Minnesota: The Food Industry Center, University of Minnesota, 2003; *The Global Middle Class. Views on Democracy, Religion, Values, and Life Satisfaction in Emerging Nations.* Washington: Pew Research Center, 2009; *Hertova D., Lopez-Calva L.F., Ortiz-Juarez E.* Bigger... but Stronger? The Middle Class in Chile and Mexico in the Last Decade. N.Y.: RBLAC-UNDP, 2010; *Dadush U., Ali Sh.* In Search of the Global Middle Class. A New Index. Carnegie Endowment for International Peace, 2012; *Positioned for Growth.* Ernst & Young's 2012 Attractiveness Survey. Russia. EYGM Limited, 2012.

⁷¹ *Delcour L.* La politique de l'Union Européenne en Russie (1990–2000). De l'assistance au partenariat? P.: L'Harmattan, 2001. P. 100.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

национальные границы, охватывая международные классификации и рейтинги. Именно структуры Евросоюза выступают источником признания России страной «с переходной экономикой» (1993)⁷², как и ряда смежных квалификаций, которые переопределяют место страны в международных иерархиях.

Показателем прямого вклада проектной «единой Европы» в проектный российский «транзит» служит бюджет TACIS. В первые три года существования, с 1991 по 1993 г., он составляет 1,36 млрд экю⁷³, из них почти 500 млн — российская часть⁷⁴. До 1998 г. на всех территориях бывшего СССР эта цифра вырастает втрое, почти до 3,8 млрд евро, из них на российские проекты в 1991–1998 гг. выделено 1,2 млрд евро⁷⁵. Чтобы оценить масштаб этих европейских вложений, следует сравнить их с показателями российского государственного бюджета. Так, в кризисном 1998 г. эти расходы, если оценивать их по нижней границе, составляют примерный эквивалент государственного финансирования всего общего образования или государственных трат на железные дороги⁷⁶.

Каков проектный словарь европейского участия в российских институциональных и категориальных сдвигах? В учредительных документах и информационных брошюрах, выпускаемых под эгидой TACIS, мы снова не обнаруживаем прямого обращения к «среднему классу». В этот период сама модель «единой Европы» операционализируется в универсалиях «граждане»,

⁷² Ibid. P. 58. Ранее Россия имеет статус страны с государственной экономикой, что налагает ряд ограничений на международное политическое признание и экономические преференции.

⁷³ Экю служил номинальной единицей общеевропейской валюты до смены его евро в 1995 г.

⁷⁴ Что такое Тасис? Партнерство и сотрудничество с Новыми независимыми государствами. Брюссель: Информационное бюро Тасис, 1994. С. 4.

⁷⁵ *Delcour L.* Op. cit. P. 143.

⁷⁶ В 1998 г. расходы TACIS в России составили 140 млн евро, расходы государственного бюджета РФ — 499,95 млрд руб. (О федеральном бюджете на 1998 год. Принят Государственной Думой 4 марта 1998 года (www1.minfin.ru/common/img/uploaded/library/no_date/2007/budget98.zip), последний доступ 12.03.2013), или примерный эквивалент 82 млрд долл. по обменному курсу, действовавшему в первой половине года. Таким образом, в 1998 г. TACIS финансировала в России институциональные проекты в объеме, сопоставимом с 0,1–0,2% государственных расходов.

«жители», а также в отдельных профессиональных и образовательных категориях («работники», «студенты», «преподаватели», «свободные профессии» и т.д.), которые вписаны в риторику экономических свобод и кооперации⁷⁷. Точно так же программа, обращенная к обществам бывшего Советского Союза, оперирует понятиями-проектами, которые редко нарушают тематические границы экономики: «экономический рост», «рыночная экономика», «развитие торговли и инвестиций», «приватизация», «сотрудничество в области экономики», «партнерство», «[транспортная и энергетическая] инфраструктура», «благоприятный климат», «экономическая модернизация», «политическая стабильность»⁷⁸. Однако в 1997 г. российское и европейское правительства ратифицируют Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное уже в 1994 г., за которым следует очень интересная по своей терминологии европейская резолюция о будущих отношениях с Россией (1998). В ней мы находим красноречивую артикуляцию связи между политической стабильностью, свободами и рынком: «Стабильность на европейском континенте может быть достигнута в силу успеха экономических и демократических реформ в Российской Федерации, вместе с установлением в ней верховенства права и социальной сплоченности» или «Европейский Союз может сыграть позитивную роль в России, открывая ее рынки и поддерживая свободы». Наряду с этим, среди приоритетов деятельности Европейского союза в России, в документе названа «консолидация

⁷⁷ Ее реализация сопровождается валом популяризаторских и пропагандистских материалов, которые в первой половине 1990-х годов издаются на основных европейских языках: «Le marché unique européen», «A Portrait of Our Europe», «L'Unification européenne», «Notre avenir agricole» и т.д. (издания 1993–1995 гг., осуществленные Бюро официальных публикаций Европейских сообществ). В отдельных случаях они переводятся на русский язык: *Фонтен П.* Десять уроков Европы. М.: Право, 1994 (оригинальное издание: *Fontaine P.* Dix leçons sur l'Europe. Bruxelles; Luxembourg: Office pour les publications officielles des Communautés Européennes, 1992); *Ноэль Э.* Работать сообща — принцип деятельности органов сообщества. М.: Право, 1994 (оригинальное издание: *Noël E.* Working Together — the Institutions of the European Community. Brussels; Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1993). По своему словарю эти тексты отчетливо тематизируют европейское сообщество как экономический проект, в ходе реализации обеспечивающий демократические гарантии и свободы/преимущества для граждан.

⁷⁸ Ключевые понятия цитированной брошюры «Что такое Тасис?».

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

процесса демократизации в российском обществе посредством стимулирования центральной роли гражданского общества и появления среднего класса с целью предоставления прочной основы для демократии, верховенства права и уважения прав человека»⁷⁹. Проектная роль, на которую здесь претендует европейская администрация, по своей амбиции сравнима с перспективными планами советского правительства, куда еще накануне исчезновения СССР включается «сбалансированное развитие процессов социальной интеграции и социальной дифференциации в обществе»⁸⁰. Европейская резолюция становится, по сути, возвратом к понятийной модели Липсета на законодательном уровне.

Подобный пример — не единственный в официальном европейском корпусе речи. Двамя годами ранее, в записке о сотрудничестве Евросоюза с ЮАР, мы обнаруживаем схожую схему в контексте «открытия рынков» и «преодоления последствий дискриминации»: «Сотрудничество с малыми и средними предприятиями... открывает, при поддержке правительства, новые, простые и быстрые возможности для создания рабочих мест. Такое сотрудничество, помимо прочего, способствует созданию чернокожего среднего класса»⁸¹. Озабоченность последствиями экономического удара конца 1990-х годов по «городскому среднему классу» в контексте «устойчивого развития», «стабильности страны» и «укрепления демократии» выражена в другом европейском документе, на сей раз описывающем ситуацию в Индонезии (2000)⁸². Вопрос о том, получа-

⁷⁹ Résolution sur la communication de la Commission «L'avenir des relations entre l'Union européenne et la Russie» et le plan d'action «L'Union européenne et la Russie: les relations futures» (COM(95)0223 — C4-0217/95 — 6440/96 — C4-0415/96) // Journal officiel de l'Union Européenne. С 138. 04.05.1998. Перевод английской версии документа А.С. Бугаевой, в системе КонсультантПлюс.

⁸⁰ Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы (по пятилетиям). Концепция проблемного раздела 3.2. Социальные проблемы, повышение народного благосостояния и развитие культуры. М.: АН СССР, ГКНТ, 1986. С. 3.

⁸¹ Avis sur les relations entre l'Union européenne et l'Afrique du Sud (96/C 82/10) // Journal officiel de l'Union Européenne. С 82. 19.03.1996.

⁸² Communication de la Commission au Conseil et au Parlement européen «Développement de relations plus étroites entre l'Indonésie et l'Union européenne» (COM/2000/0050 final).

ет ли эта серия официальных высказываний, и в особенности помощь в «появлении среднего класса» в России, программное и финансовое воплощение, нуждается в отдельном исследовании. Однако уже само присутствие проектной категории в эпицентре институционального транзита указывает нам на ее высокую языковую и социальную *ценность*, характерную для этого периода.

На следующем хронологическом шаге, в конце 2000-х годов, мы снова обнаруживаем понятие «средний класс» в европейском официальном корпусе речи, обращенном к России. Но здесь оно утрачивает прежнюю доктринальную связь с «демократией». В документе, пересматривающем отношения Европейского союза с Россией десятью годами позже (2008), словарь экономической прибыли доминирует над всеми прочими, а понятие «демократии» не употребляется вовсе⁸³. В этом контексте российский «средний класс» означает уже не залог политических преобразований, а разновидность коммерческого ресурса для европейских производителей: «Хотя энергия представляет собой наиболее значимый фактор [в российской экономике], но впечатляющие темпы роста наблюдаются также в секторе услуг. При своем сильном и непрерывном росте и своем новом среднем классе Россия представляет собой важный развивающийся рынок прямо по соседству с нами, который открывает возможности для предприятий Европейского союза» (Ibid.). Превращение «среднего класса» в сугубо экономическую категорию потребителей прослеживается также по документам, относящимся к Индии (2006), Китаю (2006) и даже международной миграции (2007)⁸⁴. Подобный разрыв в понятийной сетке хорошо иллюстрирует изменения, происходящие в структуре самого органа, Европейской комиссии, которая

⁸³ Communication de la Commission au Conseil — Réexamen des relations entre l'Union européenne et la Russie {SEC(2008) 2786} COM(2008) 740 final. Bruxelles. 05.11.2008.

⁸⁴ Соответственно: Résolution du Parlement européen sur les relations entre l'Union Européenne et l'Inde: un partenariat stratégique (2004/2169(INI)) // Journal officiel de l'Union Européenne. C 227E. 21.09.2006; Communication de la Commission au Conseil et au Parlement européen — UE — Chine: Rapprochement des partenaires, accroissement des responsabilités {COM(2006) 632 final} COM/2006/0631 final. Bruxelles, 24.10.2006; Avis du Comité économique et social européen sur le thème Migration et développement: opportunités et défis // Journal officiel de l'Union Européenne. C 120. 16.05.2008.

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»

полутора десятилетиями ранее выступала одним из источников радикального сдвига в системе российских политических категорий. Новые отношения между понятиями в официальной речи второй половины 2000-х годов объективируют новую силовую асимметрию, возникающую как между центрами политической и экономической власти в Европейском союзе, так и между европейским и российским государственными аппаратами, все чаще захваченными неолиберальным словарем коммерции, который приносят с собой профессионалы международной экспертизы.

Таким образом, французских политических мыслителей и американские экспертные центры в последние десятилетия дополняет еще один кардинальный источник речи о среднем классе — институты евробюрократии и, более широко, надгосударственные проектные центры. Именно в их стенах понятие «средний класс» парадоксальным образом поначалу усиливает, а затем теряет проектную связь с «демократией». Они редко производят смысловой разрыв сами, чаще заимствуя готовые наработки у коммерчески ориентированных экспертных центров и групп. При этом именно они выступают кардинально значимым местом институционализации нового смысла. Этот момент становится очередным сдвигом в сетке политических категорий по отношению к той конструкции XIX в., которая делала умеренность добродетелью общественного прогресса. Смещение не окончательное, поскольку даже простой рост покупательной способности по-прежнему фигурирует в одних и тех же текстах с экономическим процветанием обществ, европейской культурой и правами человека⁸⁵. При этом контекстуальное сведение с середины 2000-х годов политической свободы к емкости рынков и платежеспособному спросу фиксирует новый смысловой полюс в исторически растянутом и неоднородном континууме понятия. Сегодня любому способу думать и говорить о среднем классе оказывается предпослан ряд альтернатив — предпонятий, которые используются и комбинируются высказывающимися в зависимости от их культурных ресурсов и политической чувствительности. Я не останавливался специально на негативных смыслах «среднего класса», которые также присутствуют в публичной дискуссии по меньшей мере с

⁸⁵ Примеры цитированных ранее документов Европейского союза.

1970-х годов, в частности, в анализе успеха гитлеровского проекта⁸⁶. Но, если нас интересует позитивный проектный смысл, эти альтернативы простираются от полюса в понимании среднего класса как ареволуционной, но прогрессивной силы, сдерживающей опасные крайности и властные асимметрии — т.е. как фактора цивилизации; до полюса, на котором средний класс определяется как политически индифферентный сегмент потребительских рынков, где показателем общественной силы служит не более чем покупательная способность.

⁸⁶ Краткий обзор таких оценок, производимых в первую очередь историками, предлагает в начале своей статьи Дэвид Блэкберн: *Blackbourn D. The Mittelstand in German Society and Politics, 1871–1914 // Social History. 1977. No. 4.* На русском языке один из первых текстов об этой двойственности см.: *Опенгеймер П. Политическая роль среднего класса // Средний класс в России. Проблемы и перспективы. М.: ИЭПП, 1998.* См. также «Введение» в: *Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002.*

Bikbov, A.

The Grammar of Order: A Historical Sociology of the Concepts That Change Our Reality [Text] / A. Bikbov; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2014. — 432 p. — (Social Theology). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1001-8 (hardcover).

The nature of Russia's political and social system sparks animated debates among scholars and experts, while the Soviet past remains a matter of equally passionate research and discussions. Sociologist Alexander Bikbov has made an original contribution to these debates with this new book. In this fundamental study of Russian and Soviet societies, Bikbov has based his research on a pioneering method, the historical sociology of concepts. Analysis of large-scale social change is articulated here with a meticulous study of the conceptual apparatus that provides different historical periods with their public vocabulary.

The book thus provides a new and a more profound view of Russian society over the last twenty years, including the transformations of its public sphere, its political and academic structures, and struggles around the concepts of middle class, democracy, Russian science, and the Russian nation. The book likewise introduces a revolutionary approach to the Soviet period, reconstructing the hidden social and political dimensions of such concepts as scientific progress, the well-rounded individual, socialist humanism, and the social problem. Special attention has been paid to the role of academic expertise in investigating the political regime with meaning, a matter rarely addressed in historical studies of the Soviet era.

Chronologically, the book spans the period from the social upheavals of the late nineteenth century to the 2011–2012 protest movement. A look at the similarities and differences in Russian and international (primarily French) social history gives the study particular vividness and depth.

With its theoretical ingenuity, innovative research techniques, clarity, and brilliant systematization of extensive factual material, the book will be of great interest to historians, sociologists, political scientists, social linguists, philosophers, and students of Russian society, as well as the wider public of educated and critically thinking readers.

* * *

CONTENTS

I. The Structure of the Project: A “Middle Class” for a “Democracy”

II. The Russian “Middle Class”: The Energy of Rupture and Dissipation

III. The Function of “Humanism” in Official Soviet Rhetoric

IV. The Bourgeois “Personality” in the Realm of “Mature Socialism”

V. The Birth of the “Scientific Progress” State

VI. “Science” without “Progress”: The Post-Soviet History of the Concept

VII. Russian Sociology: Conceptual Genesis and Continuity

VIII. A Non-Collegial Discipline: Towards a Political Micro-History of Russian Sociology

Epilogue. Academic Deregulation: A Final Reckoning

Научное издание
Серия «Социальная теория»

АЛЕКСАНДР БИКБОВ

ГРАММАТИКА ПОРЯДКА:
ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
ПОНЯТИЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ
НАШУ РЕАЛЬНОСТЬ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
МАРИНА КОВАЛЕВА

Художник
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Компьютерная верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 13.05.2014. Формат 60×90/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 27,0. Уч.-изд. л. 23,9. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. №1620. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76,
тел./факс: 8 (496) 726-54-10

